

Трилогия
в одном
томе

РОМАН ЗЛОТЦИКОВ

Грон

Москва, 2020

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Трилогия
в одном
томе

- Обреченный на бой •
- Смертельный удар •
- Последняя битва •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
З-68

Рисунок на переплете
И. Воронина

Иллюстрации
К. Правицкого

Злотников Р. В.

З-68 Грон: Обреченный на бой; Смертельный удар; Последняя битва / Послесл. В. Дмитрова. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 990 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0107-9

Павший жертвой квартирных стяжателей, ветеран госбезопасности Казимир Пушкевич в последний момент дотягивается до подаренного ему старым корейцем Люем шлема. Он избежал смерти и оказался в другом мире в новом, молодом и пока непослушном ему теле, еще не зная о том, что преобразование ввергнет его в борьбу за достижение верховной власти и бескомпромиссный конфликт с могущественной тайной организацией, управляющей в этом мире.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0107-9

© Злотников Р. В., 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005

● Обреченный
на бой ●

ПРОЛОГ

Солнце зашло за западный кряж, окрасив восточные отроги Драконьего хребта в причудливые красно-золотистые тона. От тасожских стойбищ на лагерь напозла синяя тень. Многим это показалось недобрый знаком. Еще пять лет назад князья долин и лорды побережья, науськиваемые возбужденными толкователями завета, вдрызг бы переругались друг с другом. Но за последний год Старейший, да пошлют ему духи предков силу и здоровье, крепко вбил в упрямые головы властителей почтение к верховной власти. Недаром Палата князей на треть опустела. Семнадцать родов князей и лордов под корень вырублены, и каких родов! А князь Баргот, самая голова непокорных, ныне держит штандарт Старейшего, покуда тот отбыл на юг. На него и легла вся тяжесть отпора. Да только никто не верил, что Старейший такую добрую драку пропустит, потому и сей недобрый знак с надеждой приняли, а не со страхом. Привык народ — от благородного старейшины тейпа до оборванного водоноса, — что чем хуже, тем быстрее Старейший объявится. Хотя вроде куда уж хуже-то — Большая орда! Такое лишь деда дедов помнили. Семь поколений прошло с той поры. Хоть и отчаянно дрались предки, да остановить тасожские тьмы не смогли. Обезлюдели в тот год долины. Кто не poleg в боях, того угнали в тасожские степи, продали на горгосских рынках либо отдали на алтари открытых степным ветрам капищ, на которых грязные — ибо Великий Отец Степи орошает степь лишь дождями и не переносит другой воды — тасожские колдуны щедро поливали сухой степной ковыль горячей кровью горских женщин, дабы обильнее рос степной ковыль и тучнее становились тасожские табуны. Два поколения после того года гордые горянки покупали себе мужей на невольничьих рынках, и с той поры нередки стали в высокогорных селениях русые, каштановые, белокурые, рыжие ребячьи головки.

И вот опять старая напасть. Да только сейчас есть надежда. Предки дрались порознь, каждая долина сама за себя, а ныне все сорок родов прислали свои отряды. Да и лорды побережья прислали свои двенадцать дружин. Все пришли. Даже те, в коих Старейший весь род властителей под корень извел. Их дружины старейшины привели. Все горы в этой долине собрались, весь Атлантор. И лагерь един. От стройных рядов палаток Дивизии до пестрых шатров морских забияк лорда Газага весь лагерь обнесен валом с частоколом, и каждый вечер князья, лорды и старейшины собираются в палатке князя Баргота и... ждут.

Старейший, как всегда, появился внезапно и совсем не с той стороны, откуда его ждали. Солнце уже скрылось, только верхушки самых высоких пиков несли последний привет уходящего дня, когда дозорные у засек всполошенно вскинули пики навстречу возникшему как из-под земли всаднику на огромном серебристо-черном коне. Однако в то же мгновение пики восторженно взлетели вверх, и долину огласил радостный клич. Бойцы Дивизии, старейшины, ополченцы и охотники посыпались из шатров и палаток, повскакивали с истертых кошм и, узнав новость, присоединились к всеобщему реву. Старейший галопом проскакал к шатру князя Баргота, из которого степенно, но с явно читаемым на лицах облегчением выходили властители долин и побережья. Князь Баргот вышел последним, однако не остановился в пяти шагах от Старейшего, как того требовал обычай, а, шагнув вперед, резким движением выдернул длинный родовой меч из ножен, покрытых почерневшей от времени кожей, и бросил его к ногам Старейшего.

— Суди, Старейший, моя вина.— Он опустился на левое колено и откинул длинные волосы, перехваченные серебряным обручем, с крепкой широкой шеи.

По рядам князей и лордов пронесся шепот. Все знали, что, когда месяц тому назад к князю примчался Гагригд, командир первого полка Дивизии, с вестью о том, что дивизионная разведка видела сотни телег и тысячные табуны, медленно ползущие к горам, князь, кривя губы, фыркнул:

— Даже младенцу среди горцев известно, что степь не ходит в набеги по выжженной солнцем траве.

Гагригд, известный горячим нравом, на сей раз сдержался и глухо ответил:

— Все когда-нибудь происходит в первый раз.— Потом повернулся и вышел.

А на следующий день разослал верховых с запечатанными приказами Старейшего, велел вскрыть печать по дымовому сигналу. Поэтому, когда Большая орда, сбив слабый заслон Дивизии на Ореховом перевале, хлынула в долины Драконьего хребта и опомнившийся князь Баргот со своей дружиной, стиснув зубы от позора, рванул навстречу врагу, Гагригд встретил его с Дивизией у Змеиных отрогов и остановил его безумный налет словами:

— Дружины будут здесь через неделю. От твоей смерти, князь, выиграет только орда. Ты должен собрать войско.

И вот сейчас князь Баргот требовал суда. Столпившиеся вокруг шатра воины вытягивали шеи, пытаясь через головы властителей разглядеть, что будет дальше. Об умении Старейшего владеть мечом ходили легенды. Князей же занимал другой вопрос. Сейчас перед Старейшим стоял, преклонив колени, последний из князей, чей род когда-то давал Атлантору Старейших князей страны, последний, кто мог претендовать на каменный трон, высящийся у короткой стены Палаты князей. К тому же мятежник — единственный из выживших сторонников Древнего Пути. Один удар и... Старейший медленно наклонился и взял меч. Толпа затаила дыхание. Старейший покачал меч, приравливаясь к балансу, потом высоко воздел над головой склоненного князя. Следующее движение не успел уловить никто. Меч исчез, гулко взвыл рассекаемый воздух, блеснувшее лезвие, совершив полный оборот, на мгновение вновь зависло в высшей точке и рухнуло вниз. Меч вошел в землю у самого обреза сапога, срезав тонкую, прозрачную стружку с кожаной подошвы.

— Есть, — вдруг заорал кто-то в толпе, — есть кровь!

Но князя и сами видели, что кожа на шее, натянутая между двумя позвонками, рассечена короткой царапиной, кровь выступила и лежала жирным, набухшим червяком. Однако ни одной капли не пролилось на землю. Князь Чегор восхищенно цокнул языком и, как старший по годам, громко выкрикнул древнюю формулу:

— Наказан и прощен!

Толпа возбужденно загудела. А Старейший вдруг наклонился и помог подняться князю Барготу. Тот был взмокший и растерянный. В миг, когда лезвие коснулось его шеи, он успел распрощаться с жизнью.

— Спасибо за заботу о домене, князь, — серьезно произнес Старейший и повернулся к остальным: — И вам спасибо, влас-

тители долин и побережья. Завтра к полудню жду вас на совет. Да пребудут с вами духи предков.— И, резко повернувшись, двинулся сквозь возбужденную толпу к палаткам Дивизии.

У полога штабной палатки он обернулся к отставшему на полшага Гагригду и ласково похлопал его по плечу:

— Ну что, ежик, пришлось сдерживать характер?

Тот смущенно хмыкнул.

— Ладно, иди отдыхай. О твоих делах я наслышан, одобряю, ну а подробности завтра доложишь.

В палатке, у стола, сидел человек в стандартном серо-черном комбинезоне «ночной кошки». Старейший плотно задернул полог и, знаком посадив вскочившего гостя, растянулся на разостланной в углу огромной шкуре пещерного медведя.

— Ну, что скажешь, король сумерек?

Посетитель соскочил с раскладного кресла и, опустившись на корточки, произнес:

— Завтра.

Старейший презрительно фыркнул:

— И все? Да об этом знает половина войска. Франк, сколько раз тебе говорить: что, где, когда — это тактика. Если мы ограничимся тактикой, они нас раздавят. Ты мне ответь — почему?

Собеседник медленно кивнул:

— Я думал, но... я не знаю.

— Думать, милый, мало, надо искать.— Старейший нахмурился, потом спросил: — Что ты можешь сказать о том большем шатре?

— Что у выхода из Лягушачьего лога? Это капище.

— А почему капище в шатре?

— Ну-у-у...

Тот, кого называли Франком, озадаченно потерся щекой о правое плечо. А действительно, почему?

Старейший иронично посмотрел на него.

— Вот-вот, милый, я думаю, ты идентифицировал все собравшиеся кланы и роды, локализовал вождей и старейшин, прочесал каждый бугорок в долине, а ответа на мой вопрос не знаешь.

— Но мы и не искали, кому нужно капище?!

— А все-таки любое тасожское капище открыто всем ветрам, а это в шатре — почему?

— Ну-у-у... не знаю.

Старейший неодобрительно покачал головой, но глаза блестящие, явно посмеиваясь над смущением молодого начальника «ночных кошек».

— Там Чернозуб.

— Что-о? — У Франка округлились глаза.— Но ведь это значит...— Он замолчал, не смея произнести вслух вспыхнувшую мысль.

— Ты прав, если они волокут за собой воплощение Великого Отца Степи, это не набег, это кочевье. Похоже, их кто-то выдавливает из степи. Или... тащит.

— И что же нам делать?

Старейший глубоко вздохнул:

— Займемся арифметикой.— Поймав удивленный взгляд Франка, рассмеялся: — Минус на минус дает плюс. Поднимай «ночных кошек». Сегодня ночью пойдем говорить с ханами. К заходу луны чтоб были готовы, а я пока вздремну. Третьи сутки в седле.

Когда за Франком упал полог, Старейший завернулся в медвежью шкуру и, засунув под голову кулак, попытался задремать, но сон не шел. Перед глазами вдруг как живые встали лица из другого времени и иного мира.

Часть I

РАБ

Полковник в отставке Казимир Янович Пушкевич на риторический вопрос: «Чем солдат отличается от убийцы?» — мог бы ответить так: «Солдат убивает намного больше». И был бы полностью прав, особенно если на место расплывчатого понятия «солдат» он поставил бы самого себя. Самый знаменитый убийца всех времен и народов — Джек-потрошитель — отправил на тот свет немногим более десятка жертв. Двадцатый век породил монстров, убивших сотни. За свою долгую воинскую судьбу полковник Пушкевич отправил на тот свет своими руками несколько тысяч человек, а если учесть и погибших в пущенных под откос эшелонах, а также иные жертвы его диверсий, то счет можно было вести уже на десятки тысяч. Возможно, если бы кто узнал, что невысокий, сухонький старичок, каждый день степенно прогуливающийся по тенистым скверам Бульварного кольца, являлся одним из самых мощных видов оружия рухнувшей сверхдержавы, к нему бы тотчас прицепились километровые хвосты журналистов, а суматошные пикетчики расцветили его маршруты яркими плакатами, но сие было скрыто покровом тайны, за которым бдительно следили неутомимые стражи архива бывшего КГБ.

Между тем его детство никак не предвещало такую судьбу. Его отец был потомственным шляхтичем. На определенную традициями воинскую стезю у семьи Януша Пушкевича не хватило денег, поэтому весьма одаренный юноша вскоре очутился в Краковском ветеринарном училище. Блестяще закончив училище, он без экзаменов был принят на медицинский факультет Варшавского университета. Отдав дань модному в студенческой среде увлечению учением господина Маркса, студент Пушкевич благополучно отошел от революционной деятельности, чему не смогла помешать даже встреча с будущей звездой русской

революции — господином Дзержинским. До самой войны господин Пушкевич практиковал в Варшаве и Лодзи, завел полезные знакомства и считался завидным женихом. Война, революция, немецкая оккупация и образование Польской республики пронесли над головой частнопрактикующего врача, особо его не задев, но «санационный» режим Пилсудского заставил припомнить неосторожное увлечение юности и озаботиться дальнейшей судьбой. Доктор Пушкевич счел за лучшее исчезнуть из столичных салонов и, припомнив первую профессию, удалился во вновь присоединенные восточные земли, нанявшись управляющим у своего давнего варшавского знакомого.

Бурные волны буденновского прилива выбросили на обочину сего небольшого имения стройную русоволосую девушку и огромного бородатого и громогласного мужчину — ее отца, а в недалеком прошлом еще и приват-доцента кафедры металлургии Киевского университета. Хрупкая беженка, оказавшаяся бывшей «смолянкой», пленила сердце зрелого мужчины, и зимой 1922 года в скромном сельском костеле старенький ксендз сочетал законным браком «раба Божия Януша» с «рабой Божьей Ксенией». Громогласный тесть, пережив зиму с молодыми в господском доме, по весне обосновался в давно пустующей деревенской кузне и со всем жаром своей неумной души отдался любимому делу. Тем же летом у придорожной кузни остановился передохнуть шустрый седенький старичок, который, услышав громкий голос кузнеца, заулыбался и, раскрыв объятия, кинулся внутрь. Это оказался профессор того же Киевского университета, известный почвовед Барский. Закончив лобзания, кузнец, как тесть управляющего, повел давнего знакомого в дом зятя, где тут же, к немалому облегчению Януша, слабо разбиравшегося в агрономических науках, был решен вопрос о трудоустройстве. Так у будущего Казимира появился, кроме дедушки Потапа, и дедушка Иосиф. Тяжелые скитания не прошли бесследно для Ксении, и первые две беременности закончились неудачно. Однако на третий раз Януш отказался от услуг дорогих варшавских гинекологов и из глухой деревушки под Белостоком привез бабку Олесю, знахарку-травницу. То ли помогли ее отвары, то ли Господь наконец сподобил, но весенним утром 1927 года Ксения разрешилась от бремени крепеньким мальчуганом, которого в том же костеле, где сочетались браком его родители, окрестили и нарекли Казимиром.

Казимир рос шустрым и пытливым мальчишкой. Дед Потап, с рождением внука перебравшийся к дочери, и дед Иосиф, занимавший пару комнат в господском доме, где жила и семья управляющего, в мальчугане души не чаяли. Но тесное общение семьи неожиданно принесло некоторые осложнения. Дед Потап оказался ярым монархистом, а дед Иосиф — убежденным кадетом. Поэтому их жаркие словесные баталии о судьбах рухнувшей великой империи временами не давали уснуть остальной части семьи до первых петухов. После решительного вмешательства мамы Ксении дискуссия приняла более цивилизованный характер, но продолжалась с неизменным упорством до самого рокового июньского дня 1941 года. С пяти лет Казимир выучился читать, и на семейном совете было принято решение создать для мальчика полноценную школу. Дед Потап был отряжен на занятия физикой и математикой, дед Иосиф — естествознанием, мать занялась языками и русской словесностью, а отцу достался польский язык. Кроме этого, каждый день к услугам мальчика были предметные уроки по медицине, ветеринарии, полеводству и кузнечному делу, а вечером — лекции по социологии и политологии. Пребывание в столь насыщенной знаниями атмосфере должно было бы отбить у мальчика всякое желание учиться, но неизвестно по какой причине произошло наоборот. Казимир учился не просто с удовольствием, а с жадностью. В десять лет он поверг в проstrationию обоих дедов, выдав им наизусть цитату из «Политики» Аристотеля. В одиннадцать лет он собственноручно выковал себе набор хирургических инструментов, а в тринадцать, обливаясь потом, прооперировал аппендицит у районного уполномоченного, прикатившего в бывшее имение организовывать колхоз. Сия операция вкупе с удачно упомянутым Пушкиевичем-старшим эпизодом его давней встречи с Дзержинским позволила единогласно избрать председателем вновь созданного колхоза «пламенного борца с царизмом и давнего друга Советского Союза товарища Пушкиевича», чему крестьяне были чрезвычайно рады, поскольку Пушкиевич-старший пользовался в имении чрезвычайным уважением.

Все закончилось жарким июньским утром 1941 года, когда на пороге комнаты, в которой вся семья собралась за традиционным воскресным завтраком, появился одетый в грязно-зеленую форму автоматчик и, ослабившись и проорав: «Коммунистен— швайн!» — швырнул на стол тяжелую гранату с деревянной ручкой. Через полчаса немецкие мотоциклисты покидали село,

таща на поводу коров и коз, а Казимир, которого спас тяжелый дубовый стол и мощная длань деда Потапа, швырнувшего парня на пол, стоял на опушке леса и смотрел на столб дыма, поднимающийся над тем местом, где был его дом. Так закончилось его детство.

Что он делал в следующие полгода, Казимир осознавал смутно. Опять он включился в реальность, стоя в землянке уполномоченного СМЕРШа партизанского отряда Кострова. Тот воткнул в Казимира тяжелый взгляд, потом поднялся, налил кружку спирта и сунул ему в руку:

— Пей.

Казимир залпом выпил. Костров покачал головой:

— Лихо пьешь, партизан,— потом помолчал несколько минут и, когда Казимира изрядно развезло, резко спросил: — Боишься меня?

— Нет,— пьяно качнувшись, ответил Казимир.

— Дурак,— подвел итог Костров, потом, помолчав, так же резко продолжил: — А смерти боишься?

— Нет,— упрямо гнул свое Казимир.

— Вдвойне дурак,— усмехнулся Костров,— по всему видать— тебя скоро шлепнут. Так вот, чтоб твой дурной героизм зазря не пропал, будешь работать на СМЕРШ.

— Я подрывник,— шатаясь, заупрямился Казимир.

— А я тебя в свою землянку и не зову. А теперь — шшел вон.

Через полгода Костров вызвал его снова. Как и прошлый раз, сунул в руку кружку со спиртом, но сейчас налил вполовину меньше.

— Боишься меня, Пушкевич?

— Нет.

Костров усмехнулся, покачал головой:

— Как был дураком, так им и остался. Но надо признать, дурак ты удачливый. Сколько людей полегло, а на тебе ни царапины. Ну да ладно, удачливые нам нужны. Я завтра улетаю на «большую землю». Ты летишь со мной.

— Я воевать хочу,— набычился Казимир.

Костров нахмурился:

— Мне насрать на то, что ты хочешь, я сказал, что ты сделаешь. А теперь — шшел вон.

Войну Казимир закончил капитаном с шестью боевыми орденами и десятком медалей. Когда его, едва отошедшего от трехдневного празднования Победы, вызвали в штаб, то, взявшись

за ручку двери, он уже знал, кого там увидит. Костров, позаимствовавший на полчаса кабинет начальника штаба (еще бы, посмел бы тот отказать подполковнику государственной безопасности), традиционно сунул ему в руку кружку, наполненную теперь немецким шнапсом, и произнес:

— За Победу! — А выпив, поставил кружку на стол, утер губы и спросил: — Боишься меня?

Казимир хмыкнул и покачал головой:

— Нет.

— И зря.— Костров взял со стола какое-то предписание и сунул Казимиру: — Ознакомься, едешь со мной — устанавливать Советскую власть на Западной Украине. Там проверенные люди со знанием польского и немецкого — на вес золота.

Именно там Казимир получил прозвище, под которым потом проходил по всем картотекам западных разведок. Бандеровцы прозвали его Клыки. Однажды, после непрерывной двухнедельной погони, его опер-отряд вышел к глухому хутору, на котором, у одной из своих любовниц, передыхал знаменитый глава провода Зозуля. Операция была молниеносной и кровавой. Они положили всех: самого Зозулю, десяток его охраны, его молодуху, их сына. В живых остался только посеченный осколками гранаты престарелый отец молодухи, доживающий свой век бобылем с дочерью и внуком. Когда Казимир увидел щепки дубового стола и трупы Зозули, женщины и ребенка на полу, его вдруг поразило странное сходство с тем жарким июньским утром, которого он старался не вспоминать. Казимир резко повернулся и ударил по стволу ППШ, который его заместитель уже упер в грудь старика.

— Ты чего, командир? — не понял тот.

— Этого возьмем с собой.

— Да толку от него...— начал заместитель, но, натолкнувшись на яростный взгляд, осекся.

Так у Казимира появился дядько Богуслав. После трех дней допросов Казимир забрал его из подвалов Львовского управления МГБ и отвез к себе на квартиру. Дядько Богуслав довольно быстро обжился, завел знакомства с крестьянками, привозившими продукты на местный рынок, и однажды, когда Казимир с трудом разлепил глаза после дикой пьянки по случаю успешного завершения очередной операции, он увидел у своих губ кружку с огуречным рассолом, а ласковый голос произнес:

— Испей, Казимирушко, голове легче станет.

Он некоторое время ошарашенно разглядывал кружку, потом осторожно глотнул. Поздно вечером, хмуро наблюдая за тем, как дядько Богуслав суетливо накрывает на стол, Казимир внешне произнес:

— Я твою семью под корень извел, а ты меня — рассолом...

У старика подкосились ноги. Рухнув на скамеечку, он грустно улыбнулся:

— Да ведь тебя раньше Бог наказал, как же на тебя сердиться-то, тебя жалеть надо.— И, вздохнув, добавил: — Одни мы с тобой на белом свете остались, Казимирушко, куда нам рядиться-то?

В конце сороковых Казимир уехал в Москву, на учебу. Однако, когда его сразу после выпуска срочно вызвали с банкета к ректору института, он был почти уверен, кого застанет в обширном кабинете.

— Боишься меня? — Костров звякнул граненым «мерзавчиком» о запотевший стаканчик Казимира.

Тот хмыкнул, а Костров, блестя новенькими полковничьими погонами, добродушно буркнул:

— Дурак, традиции соблюдать надо.— И, опрокинув стопку, продолжил: — Я тебя к себе забрал, на Дальний Восток.

Однажды, возвращаясь из очередной командировки, Казимир застал у дверей своей квартиры бравого милиционера. Тот грозно потребовал документы, но, увидев маленькую книжечку, побледнел и забормотал:

— Тут, я извиняюсь, родственничка вашего... того... ограбление, понимаешь, а он сопротивляться... медальки ваши не дал...

У Казимира потемнело в глазах. Через час он сидел у следователя, который вел это дело. Тот суетливо перекаладывал на столе какие-то папки и убежденно рокотал:

— Найдем, чего ж не найти, я их, сук, на такой срок упеку...

— Погоди, капитан,— остановил его Казимир,— ты мне их просто так покажи, на улице, дальше мое дело.

Через неделю капитан позвонил Казимиру и попросил зайти. Когда Казимир вошел в кабинет, в глаза бросилась рельефная серебряная чарка, которую дядько Богуслав привез еще из Львова. Он шагнул к столу и коротким, без замаха, ударом врезал вальяжно развалившемуся на стуле фрайеру. Тот отлетел к стене и опрокинулся на пол. Капитан ошарашенно покачал головой:

— Да это не он, он шулер, эту штуку в карты выиграл, но о тех, кто вашу квартиру взял, он кое-что знает.

Когда очухавшемуся шулеру предъявили документы Казимира, тот сразу сник.

— Запомни,— инструктировал его капитан,— опишешь товарища майора как «кликушника». Ты его наказал на крупную сумму, и он расплатился с тобой церковной «рыжухой», причем ты просек, что ее у него много.

После этого Казимир стал гулять в указанном капитаном месте, у старых пакгаузов, с большим чемоданом. На третий день его встретили трое: два здоровых жлоба и маленький, шустрый мужичок со злыми глазами.

— Слушай, фрайер,— начал шустрый,— а тебе не кажется, что товарищ Сталин велел таких жлобов, как ты, на пику сажать? — И он выхватил финку.— Гони «рыжуху», козел.

А Казимир не отрываясь смотрел на маленький серебряный униатский крестик, который дядько Богуслав не снимал даже в бане, только заворачивал в дубовый листок от веника, чтоб не жгло.

— Ты че, фрайер, уже умер? — заржал шустрый.

Казимир отбросил чемодан и скользнул вплотную к бандитам. Через несколько мгновений один жлоб лежал в пыли со сломанным позвоночником, а второй пускал кровавые пузыри из пробитых осколками ребер легких. Казимир наклонился над повизгивающим шустриком, пытавшимся отползти, волоча за собой сломанные руку и ногу, и, заглянув в округлившиеся от ужаса глаза, спросил:

— Помнишь старика из квартиры на Краснофлотской?

Тот замер, а Казимир повернулся, подобрал финку и, захватив в кулак крестик, перерезал бечевку. Потом сунул его бандиту в лицо и сказал:

— Это его,— потом повернулся и, отойдя на десяток шагов, не поворачиваясь, метнул финку. За спиной раздался судорожный всхлип, потом все стихло.

Через неделю Костров вызвал Казимира к себе.

— Вот что, Пушкиевич, если еще раз сотворишь что-либо подобное... Короче, ты меня понял,— он помолчал,— собирайся, сегодня вечером вылетаешь в Пномпень. Надо помочь корейским товарищам подготовить подразделения глубинной разведки. Так что это дело как раз для тебя. Да и здесь партийные органы успокоятся.— Костров хмыкнул.— Надо же, майор государственной безопасности взялся бандитов мочить. Что, руки зачеса-

лись?— И, не дождавшись ответа, закончил: — Там для твоих рук большее поле деятельности скоро откроется.

Через неделю Казимир, сопровождаемый комиссаром и переводчиком, двигался вдоль строя «убежденных ленинцев-сталинцев, верных последователей дорогого товарища Ким Ир Сена», скептически разглядывая выпирающие ключицы и худые шеи, которые вкупе с остекленелыми глазами демонстрировали кандидаты в разведчики-диверсанты.

— Значит, четыреста человек?

Комиссар, улыбаясь, быстро закивал головой и что-то залопотал. Переводчик старательно перевел:

— Каждый из них горит классовой ненавистью к южным капиталистам и, руководствуясь путеводным учением товарища Ким Ир Сена, готов отдать свою жизнь за дело освобождения угнетенного рабочего класса и крестьянства юга страны от нещадной эксплуатации международным империализмом.

Казимир хмыкнул:

— Посмотрим.— Он окинул строй хмурым взглядом, потом повернулся к песчаной отмели метрах в ста от поляны, на которой выстроились курсанты.— Личные вещи из мешков! Мешки наполнить песком под завязку! Построение на своих местах через десять минут. Разойдись! — Потом повернулся к переводчику:— Бегом два мешка с песком мне и комиссару.

Он оставил тридцать пять человек. Всех, кто добежал двадцатый километр. Комиссара среди них не было.

Ровно через год, когда он подготовил уже второй выпуск, его разбудил среди ночи посыльный с приказом срочно прибыть в советскую торговую миссию. Там его ждал Костров.

— Я тебе давно говорю, Пушкиевич, что меня стоит бояться.— Он потер почерневшее от бессонницы лицо.— Готовь группу глубинной разведки, можешь отзывать с фронта любого из своих орлов, группу поведешь сам.

— Куда?

— Пусан.

Казимир присвистнул.

— Там же американцы!

— Вот поэтому группу поведешь ты.— Костров поднялся, подошел к шкафчику, налил две чашки вонючей рисовой водки и сунул одну Казимиру.— И запомни, если вдруг... ну... ты понимаешь... американцы не должны получить от тебя ни одного

целого куска. И желательно — ни одного живого из твоих корейцев.

Казимир кивнул и вышел.

Он припомнил этот разговор, когда с остатками группы уходил из района сплошного поиска. Трижды они чудом проскальзывали мимо засад, два раза сами устраивали бойню зарвавшимся «зеленым беретам». Вторую неделю они находились под проливным дождем. Последний раз ели четыре дня назад. А за последние двое суток ни на минуту не сомкнули глаз. Карты раскисли и расползлись. После последнего боя все оставшиеся патроны Казимир как лучший стрелок забрал себе. Имея при этом в виду и приказ Кострова. Получилось два магазина к ТТ и еще восемнадцать в рожке ППШ. Когда шедший прямо за ним радист Ким рухнул на тропинку и умер, Казимир понял, что им необходимо срочно отдохнуть хотя бы час. Он командовал привал, а сам полез на дерево. С трудом он преодолел три нижние ветки и вцепился в ствол, ожидая, пока исчезнут круги перед глазами. Когда он сумел сфокусировать взгляд, то совсем рядом, метрах в трехстах, увидел белую ступенчатую крышу какого-то здания, похожего на храм. Почти рухнув вниз, он чуть не пинками поднял троих оставшихся бойцов, и они двинулись сквозь заросли. Когда они подошли к пагоде, один из бойцов вдруг бухнулся на колени и что-то возбужденно залопотал. Казимир, у которого не осталось сил на вопросы, ткнул того кулаком и двинулся к зданию. Ен, лучше всех усвоивший русский язык, шатнулся за ним и, едва шевеля губами, проговорил:

— Лю говорит, что это храм Белого Шлема, его хранитель — искусный воин, в храм имеет право войти только претендент на должность хранителя. Если он проиграет, то старый хранитель его убьет.

Казимир раздраженно оттолкнул Ена и шагнул внутрь. У него не было ни сил, ни желания играть в эти игры. В храме было сухо и сумрачно. Казимир облегченно опустился на пол и привалился к стене. Вдруг откуда-то из-за стоявшей в нише конструкции, напоминавшей не то башнеподобную шапку, не то шапкообразную башню, выскочил какой-то седенький старичок. Издав громкий крик, он прыгнул к дверному проему и, кувыркнувшись в воздухе, засветил в лоб Ену и Ро и повернулся к Казимиру. В это мгновение бухнул ТТ, старичка отбросило

на улицу. Казимир убрал пистолет и, кивнув бойцам на старичка, буркнул:

— Пусть помокнет. Я ему бедро прострелил. Уйдем — очуаается.

Очнулся Казимир оттого, что из тонких стен пагоды летели щепки, а где-то совсем рядом грохотал крупнокалиберный браунинг. В голове мелькнуло: «Достали, сволочи». Казимир перекатился по полу, резанул длинной очередью прямо сквозь стену туда, откуда раздавался звук пулеметных очередей. Послышался вскрик, и пулемет замолчал. Казимир огляделся. Бойцы были мертвы. Их расстреляли сквозь стену. Видимо, они даже не успели проснуться. Послышались команды на английском. Казимир мгновенно выпустил остатки рожка в ту сторону, и очередная команда оборвалась на полуслове. Он успел отбросить ППШ, достать ТТ и перекатиться за башнеобразную конструкцию, как на пагоду обрушился шквал огня. Через минуту огонь прекратился, сквозь дыры в стене влетели две гранаты, шарахнуло. Башнеобразную конструкцию смяло в какую-то сюрреалистическую скульптуру. Потом в проеме двери и проломах стен показались рослые фигуры в зеленой форме. Казимир открыл беглый огонь из пистолета. Он успел вновь перекатиться, сменить и расстрелять последний магазин, когда фигуры исчезли. Больше патронов не было. Он вздохнул. Пора было выполнять приказ Кострова. Казимир сунул руку за пазуху, вытащил «лимонку» с примотанной к ней двухсотграммовой толовой шашкой и взялся за чеку, как вдруг кто-то тронул его за плечо. Казимир крутанулся, выдернул чеку и посмотрел на того, кто к нему подкрался. Это оказался тот самый седенький старичок. Знаками он показал, что ему нужно отодрать от пьедестала остатки башни. Казимир, несколько мгновений поколебавшись, свободной рукой достал нож и всунул в щель, работая лезвием как рычагом.

— Эй, рашен,— заорал вдруг кто-то на улице,— мы знать, что ты есть здесь, мы предлагать почетный сдача плен, мы обязаться сохранить личное оружие, предоставить медикел помощь и хороший питание.

Старичок с грохотом скинул остатки башни, вытянул из углубления пьедестала что-то напоминавшее перевернутую серебряную салатницу и, отскочив к стене, нажал на какой-то выступ. Часть пола ушла в сторону. Американцы, услышав грохот от упавшей конструкции, опять начали сумасшедшую стрельбу, а старичок нырнул в открывшийся люк, обернулся и поманил

Казимира за собой. Тот наблюдал за ним широко открытыми глазами. В этот момент огонь прекратился, и сквозь проломы опять замаячили бегущие к пагоде люди. Казимир аккуратно положил «лимонку» с толовой шашкой у края люка и нырнул вниз.

Его выпустили только в 1956 году. У ворот зоны его ждала «Победа», в которой блестели генеральские погоны. Костров выгнал водителя и разлил армянский коньяк по массивным хрустальным стопкам.

— Ну, Пушкиевич, поумнел? Это ж надо было додуматься — из секретного рейда приволочь за собой корейского монаха.

Казимир усмехнулся, а Костров, кинув в рот пластик специального ротфронтковского шоколада, продолжил:

— Ладно, подполковник, этот твой идиотизм сегодня нам изрядно помог. Слишком нелепо для американского агента таскать за собой бандеровца, мочить уголовников на улицах и якшаться с корейскими монахами. Короче, ты реабилитирован, но под подозрением, учти... — Он сделал паузу и, лихо опрокинув стаканчик, закончил: — У меня в отделе есть должность как раз по тебе.

— А если я не хочу?

Костров уставился на него тяжелым взглядом. Казимир залпом вылил в себя коньяк и зло заговорил:

— Ты знаешь, с какими людьми я сидел, Костров?.. Профессор медицины, архитектор, историк, металлург. Ты знаешь, какие здесь ножи делают? А ты видел операцию трахеотомии, сделанную обожженной щепкой? Что происходит с нашей страной, если такие люди сидят?

— А ты стал опасным человеком, Пушкиевич. — Костров налил себе еще коньяку и залпом выпил. — Никогда, запомни, НИКОГДА больше не задавай таких вопросов. А насчет твоего желания... Не думай, что со смертью Сталина в нашей системе что-то изменилось. Отсюда, — он кивнул на маячивший за окном забор зоны, — для таких, как ты, всего два пути: либо обратно, либо в вечную мерзлоту. И радуйся, что при всех этих пертурбациях первый путь открылся. Через несколько лет все вернется на круги своя, и опять останется только вечная мерзлота.

Казимир задумчиво потер небритый подбородок.

— Ты ведь на меня поставил, Костров? Если я не соглашусь, то ты влетишь, ведь так?

Костров криво усмехнулся.

— Где кореец, генерал?

— Ты что думаешь, что я...

— Именно, Костров, именно...— Он сделал паузу и спросил, криво усмехнувшись: — Тебе никогда не приходило в голову, почему я тебя ни разу не сдал, не подставил, не подсел? Ведь не от большой любви?

— Мы же с тобой с войны...

— Брось,— жестко рубанул Казимир,— я для тебя всю жизнь был лишь надежной ступенькой, которая бесперебойно подбрасывала тебя к новой должности, званию, ордену, и ничего больше. А я... я прекрасно знал, что ты дерьмо.

Он замолчал, в машине на несколько мгновений повисла мертвая тишина. Потом Костров, сгорбившись, потянулся за бутылкой, налил еще, выпил и повернулся к Казимиру:

— Ну и почему?

Казимир повторил его движения и, проглотив содержимое стопки, ответил:

— Просто ты — мое дерьмо. У меня были слишком умные родители и слишком талантливые учителя, чтобы мне нравилось все то, что творится в нашей стране. Хотя, пока я стараниями наших друзей не попал сюда, я о многом не догадывался. А тыходишь в круг людей, с которыми мне волей-неволей приходится общаться, и если тебя скинут, то придется привыкать к другому дерьму. А это более неприятно, чем общаться с тобой.

Костров окинул его ненавидящим взглядом.

— А кореец-то тебе зачем?

— Просто, кроме дерьма, хотелось бы, чтобы рядом был хотя бы один нормальный человек, а корейцу я обязан жизнью. Так что... я полечу в Москву на твоём самолете, генерал, но ты уж постарайся.

— А если он умер? — В голосе у Кострова сквозила безнадега.

— Костро-о-ов,— иронично протянул Казимир,— а оно тебе надо: эксгумация, экспертиза, поддельные дела, протоколы? Это ж ведь не Валленберг, посадите его к толпе каких-нибудь буддистских монахов из Бурятии, а потом реабилитируйте всем скопом, и всего делов.

Когда Казимир вернулся из первой командировки, в его комнате пахло вареным рисом и хе, у окна сидел как будто совсем не постаревший Люй, а на доставшемся в наследство от прежних хозяев комоде аккуратно лежала вещица, похожая на перевер-

нутую серебряную салатницу, оказавшаяся тем самым Белым Шлемом, в честь которого была построена пагода.

В шестьдесят втором Казимир женился. Все произошло быстро и неожиданно. После войны стандартным набором развлечений для офицерского круга были карты, водка, женщины. При том дефиците мужиков и относительной зажиточности людей в погонах все это было легко, доступно и быстро надоедало. Тем более в карты Казимир всегда выигрывал. Он помнил всю колоду по рубашкам уже после третьей раздачи. Пьянел он очень медленно и без кайфа, а общаться с пьяными мужиками будучи почти трезвым... А женщины... В конечном счете одна повторяла другую с точностью сестер-близняшек.

Тамара ворвалась в его жизнь как ураган. Она была младшей дочерью крупного дипломата и выросла в Индии. Еще подростком она увлеклась тантрическими культами. После окончания института защитила кандидатскую диссертацию по буддизму и с помощью отца укатила в Индию собирать материал для докторской, но вскоре была уличена в том, что под видом сбора материала принимала участие в тантрических оргиях. Ходили слухи, что дело было не столько в этом, просто один из тех всевластных людей, которые и решали судьбу совслужащих за границей, вознамерился затащить ее в свою постель, а она ответила, что сама выбирает, с кем спать, а он у нее вызывает только позывы к рвоте. Причем заявлено это было на приеме в советском посольстве при большом скоплении народа. Разразился крупный скандал. Несостоявшегося любовника отозвало родное ведомство, папашу быстренько выгнали на пенсию, дочку вернули и сделали невыездной, а кроме того, выжили с работы. Когда Казимир встретился с ней на одной из вечеринок московского бомонда, ему нашептали, что это — «шикарнейшая шлюха, мужиков заставляет на стенки кидаться, нигде не работает, но живет неплохо». Подобные дамы его не привлекали. Он в своих бесконечных командировках успел попробовать всяких женщин: от черных рослых африканок до краснокожих хрупких индианок — и, как он считал, женщины теперь интересовали его только с точки зрения экзотики. Однако к концу вечера она сама подошла к нему:

- Здравствуйте, Воин, я давно мечтала с вами познакомиться. Казимир удивился, до сих пор его так называл только Люй.
- А почему Воин?

Она рассмеялась, и он почувствовал, как от ее смеха у него пошли мурашки по коже.

— Но это же ваша сущность, и не пытайтесь от меня скрыться, бесполезно. Мы созданы как две части единого целого.

Из толпы вывернулся какой-то солидный мужчина в прекрасно сшитом костюме и, бросив неприязненный взгляд на Казимира, капризно спросил:

— Куда ты пропала, дорогая? Пойдем, машина ждет.

Тамара, не отрывая взгляда от Казимира, резко качнула головой.

— Отстань, я ухожу от тебя. К нему. Я согласилась пойти сюда с тобой, только чтобы встретиться с ним, и за это я тебе благодарна. А теперь уходи.

Мужчина ошарашенно разинул рот, а Казимир, преодолевая какой-то внутренний протест, сухо сказал:

— Извините, я привык сам решать, с кем мне встречаться, а с кем нет,— и, слегка кивнув, вышел.

Через неделю она пришла к нему домой. Люй, никогда и никому не открывавший дверь без предварительного звонка, без звука впустил ее в квартиру. Когда Казимир вернулся домой, она сидела, поджав ноги, на диване в его кабинете и разглядывала коллекцию оружия, развешанную на стене и наваленную на стеллажи.

— Здравствуй, Воин, как видишь, я была права.— Она указала пальчиком на сверкающие предметы убийства и спросила: — А что из этого самое смертоносное?

— Человек.

Она довольно улыбнулась.

— А ты философ?

— Нет,— Казимир покачал головой,— реалист. Обученный человек может убить тарелкой, подушкой, голыми руками, наконец. Неумелый со всем этим арсеналом только порежется.

Она встала, провела рукой по ножу-кхукри, индийской чакре, потом повернулась.

— Ты все это привез?

— Большую часть — нет, сделал по запомнившимся образцам.

— И всем этим умеешь пользоваться?

Казимир раздраженно поджал губы. Он не любил, когда кто-то посторонний узнавал о его «невинных» увлечениях.

— Более или менее.

Женщина усмехнулась.

— А ты разносторонний человек.— Она подошла к книжным стеллажам, провела пальцами по корешкам.— Макиавелли, Гарле, о, Кейнс! А это что, «История мостостроения»? Фантастика! Никогда не думала, что старшие офицеры КГБ интересуются подобными вещами,— она повернулась к Казимиру,— ну ладно, у меня есть для вас сюрприз, принесите бокалы.

Он прошел на кухню и рывкнул на Люю:

— Зачем пустил? Баб мне дома не хватало!

Люй покачал головой.

— Она — шакти. Кто я такой, чтобы противиться ее воле?

Когда он вернулся в кабинет, ее там не оказалось. Казимир посмотрел в столовой, постоял, прислушавшись, в коридорчике, потом осторожно заглянул в спальню. Она сидела на ковре у кровати, обнаженная, в позе лотоса. Перед ней горела какая-то пахучая свеча и стоял сосуд с рубиновой жидкостью. Казимир попытался прикрыть дверь, но она позвала его голосом, от которого у него все встало дыбом:

— Иди же ко мне, Воин, сегодня звезды благоволят нам.

Через месяц они поженились.

А через пять лет ее убили. Она была на втором месяце, когда ее затащили в машину молодые сластолюбцы из московской «золотой молодежи» и отвезли на чью-то отцовскую дачу. Костров, помня о Владивостоке, распорядился, чтобы до Казимира не дошло ни буковки из реальных фактов — все представили так, будто ее сбила машина, но Казимир докопался. Два года после этого он тщательно устанавливал и перепроверял имена тех, кто был на даче, а потом уехал в отпуск на Валдай. В течение одной недели все, повинные в смерти Тамары, были жестоко убиты. Когда Казимир появился на работе, Костров сумрачно покачал головой, но ничего не сказал.

Когда «ушли» Кострова, Казимир решил, что пришла и его пора собирать вещи. Однако все произошло по-другому. Новый начальник управления вызвал его в первый же день. После вежливых фраз, которые маскировали напряженную работу мозговых извилин, новый начальник вдруг выудил из сейфа бутылку английского джина и, показывая степень осведомленности, разлил два бокала.

— Не будем нарушать традиции.

Казимир молча кивнул и немного расслабился.

— Знаете, Казимир Янович, когда рассматривался вопрос о моем предшественнике, я сделал все возможное, чтобы он ушел с наименьшими потерями, но не из-за него...

Казимир держал паузу.

— Из-за вас.

Казимир поставил стакан на стол и поднял глаза.

— Чем обязан такой чести?

— Бросьте, вы все прекрасно понимаете. В вашей... вернее, в нашей структуре работают семнадцать оперантов вашего уровня. За последние десять лет мы имеем девятнадцать операций. Из них девять проведены со стопроцентной эффективностью, три с частичной, остальные провалены. Все девять успешных проведены вами.

— У тех семи были объективные причины, материалы разбора есть в архиве.

Начальник рассмеялся:

— Да, и это тоже есть в вашем психопрофиле. Знаете, как это обозвали наши психологи — «рыцарский комплекс». Вы остаетесь верны даже такому подонку, как Костров, и толпе бездарностей, если считаете себя частью команды.

Казимир усмехнулся:

— А вы считаете себя лучше Кострова?

Начальник прервал смех:

— А вы?

Казимир вдруг почувствовал какую-то тупую усталость и выдал такое, от чего сам оторопел:

— Нет. Я с ним из одного дерьма, и плевать на то, что я влез в него по молодости и глупости. Я давно не верю ни в библейские заповеди, ни тем более в моральный кодекс строителя коммунизма. Я, как и вы, убивал невинных, пытал женщин и сжигал деревни и особых угрызений совести не испытываю, поскольку дрался с врагом, который поступал не лучше. Но кое-какие принципы я для себя определил давно, когда начал понимать, кто я и что делаю.

Начальник суетливо бросил взгляд на статуэтку Дон-Кихота, в которой, как знал Казимир, был спрятан микрофон, но потом облегченно вздохнул и, демонстративно отодвинув ее в сторону, показал два обрезанных провода. Однако поспешил перевести разговор на другую тему:

— Знаю: «держи себя в кулаке».

Казимир покачал головой.

— И это раскопали.

— Да нет, сам Костров рассказал, только сумбурно. Не можете ли повторить?

— Что ж, большой палец — не прощай врагов, указательный — имей друзей, средний — не испытывай сожалений о том, что сделано, безымянный — меньше ври, мизинец — сумей достойно умереть. Но в общем-то это бравада, я сам принципы эти неоднократно нарушал, особенно последний.

— Все равно, когда человек даже просто формулирует что-либо подобное, это о многом говорит. — Начальник несколько мгновений помолчал. — Я знаю, вы публикуетесь. Сколько у вас работ?

— Не знаю, не считал, где-то около семидесяти.

— И в каких областях?

— Тактика, история, металлургия, материаловедение, психология, страховое дело, международное и морское право, экономический анализ... Но к чему эти вопросы, я не верю, что в моем личном деле нет полного перечня.

— Есть, но просто перечисление, а мне хотелось бы поточнее разобраться с кругом ваших интересов. — Он поднял на Казимира испытующий взгляд и, заметив, что тот демонстративно бросил взгляд на часы, добродушно усмехнулся: — Вижу, вы торопитесь, но если не возражаете, то я хотел бы позже продолжить разговор.

Казимир кивнул и поднялся.

— Разрешите идти?

— Да, пожалуйста.

В восемьдесят девятом Казимир вышел в отставку. Он принципиально отверг несколько предложений по прежнему профилю деятельности и устроился консультантом в издательство. Деньги ему были особо не нужны, хватало полковничьей пенсии. Доступ к спецраспределителю тоже остался, так что он хотел заняться чем-то для души. Он успел заочно получить звание почетного доктора в трех зарубежных университетах, которые считали его кто крупным невыездным ученым, занимающимся военными работками, а кто диссидентом, скрывающимся от КГБ и потому публикующимся через третьи руки и под псевдонимом. Так что в издательство он пошел, скорее, для того, чтобы не особо маяться бездельем и иметь доступ к самым свежим новинкам. А через три года умер Люй. Он умер в день и час, который выбрал сам. Он сходил в парикмахерскую, постригся, тщательно вымылся,

переоделся в чистое, взял Белый Шлем, подошел к Казимиру и сказал:

— Мне пора, когда будешь умирать, надень это.

Казимир не сразу понял, что он сказал, непонимающе посмотрел на Шлем и тупо спросил:

— Зачем?

Люй сунул Шлем ему в руки, сказал:

— Предопределено,— вернулся в спальню, лег на кровать и умер.

Казимир похоронил его на маленьком буддистском кладбище у свежестроенной сангхи. Когда он вернулся домой, Белый Шлем тускло поблескивал на кружевной салфетке рядом с трюфельными декоративными тарелками, которые он привез из Германии. Казимира будто что-то потянуло к нему. Он взял Шлем и покрутил его в руках. Как-то, когда он достал Люя своими вопросами, тот скупо рассказал ему обрывок легенды, относящейся к Белому Шлему. Там было что-то о Змее миров, одной из чешуек которого и является Земля, о большой доске для игры в го, на которую боги вместо костей и камешков бросали людей, о великих войнах, чьим предназначением было странствие по чешуйкам Змея миров, а Белый Шлем был тем стаканчиком, в котором боги шелестели выбранными костями — судьбами,— прежде чем бросить их на доску. Короче, обычная восточная дребедень, которая именно сегодня вдруг показалась Казимиру странно значительной. В это мгновение Казимира пронзила мысль, что его больше ничто не держит на этой земле и почему бы ему не отправиться вслед за Люем, тем более что в одной из ваз лежал именной ТТ. Но Казимир невольно вздрогнул и торопливо отложил Шлем, будто именно этот предмет навеял ему такие мысли, а потом повернулся и вышел из комнаты.

Однажды к нему в дверь постучался шустрый молодой человек и предложил продать квартиру в обмен на полное обеспечение до конца жизни. Казимир печально улыбнулся и ответил, что привык сам заботиться о себе. На следующий вечер к нему в подъезде подошли три мордворота и предложили «не ломаться». Казимир вежливо выслушал, потом сломал двоим из них берцовые кости, а самому наглому выдавил глаз. Через четыре дня его подстерегли в подъезде и «вырубили» ударом по голове. Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит крепко связанный в своем кабинете, а у его стеллажей с оружием толпились какие-то мордвороты и один говорил другому:

— Ну дает печатник, то-то он наших вырубил.

Казимир шумно вздохнул и сплюнул кровавую пену. Парни обернулись, и один крикнул в коридор:

— Очухался.

Через несколько мгновений в кабинет вошли еще трое. Один из них выглядел более развитым и держал в руках его пенсионное удостоверение.

— Да-а, Казимир Янович, доставили вы нам хлопот, ну и мы хороши, собирались прижать простого типографского служащего, а нарвались на полковника КГБ.— Он присел на край диванчика и, разведя руками, заинтересованно спросил, будто продолжая некий давно тянувшийся разговор: — Ну и что будем делать?

Казимир посмотрел на рубашку, шевельнулся и вскрикнул от боли.

— Развяжите,— сказал он, отдышавшись.

— Зачем? — нагло поинтересовался собеседник.

— Как я понял, вам нужна моя квартира?

— Ну она уже наша — все чин чинарем, подписи, печати.

— Ерунда,— Казимир поморщился от боли,— вы же знаете, что она не приватизирована.

— Ну это для нас не проблема...

— Нет, проблема, пока она находится в ведении управления делами нашей службы.

Собеседник удивленно посмотрел на него, потом нахмурился.

— И что вы можете предложить?

— Развяжите.

Тот кивнул одному из мордovorотов. Через несколько мгновений Казимира грубо подняли и перерезали веревки. Когда перед глазами перестали плавать красные круги, Казимир осторожно поднялся и, держась за стенку, подошел к серванту. Минуту передохнув, он опустил руку в большую вазу и достал именной ТТ. Двое дернулись, но пистолет бухнул дважды, и оба рухнули на том месте, где стояли. Главный сишло прошептал:

— Ты че, дед, тебя ж посадят?

Казимир грустно усмехнулся:

— У меня отбиты почки, сломаны два или три ребра, и одно из ребер пробило легкие, я уже не жилец.

Он захлебнулся кашлем, и в этот момент один из мордovorотов бросился к двери. Если бы он бросился на него, у одного из двух оставшихся был бы шанс, а так... Когда все было кончено,

Казимир сполз по стене. «Неплохая смерть,— подумал он,— на поле боя, в окружении трупов врагов, но Люй бы не одобрил». Подумав о Люе, он поднял глаза и припомнил его странную просьбу. Шлем лежал на том же самом старом комод. Сил преодолеть комнату еще раз не было, но Казимир, стиснув зубы и почти теряя сознание, протаскился по стене до комода и натянул на голову металлический колпак. Удивительно, но боль ослабла. Он с удивлением припомнил, что никогда не видел, чтобы Люй что-то делал со Шлемом. Разве что пыль с него стирал. Дышалось тяжело. Легкие были забиты кровью. «Уже скоро»,— подумал Казимир и откинулся к стене. Последней его мыслью было: «Глупо выгляжу... В салатнице...»

Казимир судорожно сглотнул и закашлялся, на языке остался привкус соленой воды. Он приподнял веки и тут же опять зажмурился — в глаза било яркое солнце. Нахлынула очередная волна. Казимир плотно сжал губы и перекатился подальше.

— Ну, ты, к-к-козел г-горный, хватит р-р-разлеживаться, дуи з-з-за вином.

Язык был явно не русский. Казимир свободно общался на польском, немецком, французском, английском и испанском. Понимал еще дюжину и мог узнать еще два десятка языков и диалектов, этот не был похож ни на что. Певучие гласные и резкие, звонкие согласные. Он открыл глаза и посмотрел в сторону, откуда доносился голос. Десяток человек, одетых в набедренные повязки или юбчонки из какого-то тряпья, валялись на песке. В голове всплыло, что это гряда Одноглазого, они жили тем, что разгружали корабли в порту Тамариса, и, как всякий портовый люд, тем, что удавалось украсть из пакгаузов и хранилищ.

— Т-т-ты чего, г-г-губастый, припух?

Теперь до Казимира дошло, что это обращаются к нему. Худой как скелет мужик, с культей вместо левой руки, грозно смотрел на него, подкидывая в целой руке каменный голыш. Все, что происходило, могло быть предсмертным бредом, но бред был очень яркий, качественный, реальный, с массой совсем ненужных подробностей.

— Т-т-тебя что, е-е-еще проучить.

Казимир вспомнил, что его послали украсть из ближайшей портовой забегаловки кувшин дешевого кислого вина. Потом до него дошло, что это не его воспоминания. Того, кто помнил

это, звали Грон, он был найденышем и жил при груди как мальчик на побегушках. Судя по воспоминаниям и словарному запасу, ему было лет восемь-девять. Казимир осмотрел себя. Это тело принадлежало не ребенку: длинные, мускулистые ноги, широкие плечи, бугры мышц. Хотя во всем этом еще чувствовалась некая незавершенность, но обладателю этого тела было уже, как минимум, четырнадцать. Ну а для такого возраста он был ОЧЕНЬ развит.

— А, п-п-получи.

Казимир уловил бросок и легко присел, отбив рукой летящий в голову голыш. Тело реагировало с некоторой заминкой, будто новенькая, необмятая форма. Казимир... Грон настороженно посмотрел на грудь, оценивая шансы на случай осложнений, худой смотрел на него, разинув рот.

— Н-н-ну, козел, — раздался изумленный возглас.

Груда захохотала.

— Что, Однорукий, уел тебя губастый?

— Д-д-да я ему с-с-сейчас...

— Ладно, кончай.— Крупный чернобородый мужчина с повязкой на одном глазу махнул рукой, и Однорукий, как послушная собачонка, отскочил в сторону и грохнулся на песок.— А ты, нахлебыш, давай быстрее, в горле пересохло.

Грон... черт возьми, это тело не хотело признавать другого имени, несколько мгновений постоял неподвижно, решая, что делать, потом повернулся и двинулся в порт. Отойдя от груди на приличное расстояние, Грон опустил на песок, и тут на него навалилось. Несколько минут он сидел ошарашенный произошедшим. Обычный, средний человек, наверное, ударился бы в панику, стал бы щипать себя за мягкие места, громко возвещать, что этого не может быть, но доминирующая личность Грона, та, что была Казимиром, отличалась большой способностью к адаптации. Оказавшись неизвестно как в незнакомом месте, чужом теле, он первым делом попытался определиться с языком, вернулся от голыша, «прокачал» валявшихся на песке членов груди с точки зрения непосредственной опасности и потенциальных осложнений и лишь теперь, оставшись один и не имея непосредственной угрозы жизни и здоровью, позволил своей психике слегка слететь с катушек. Что в общем-то было излишне, ибо для homo sapiens образца конца двадцатого столетия принять как само собой разумеющееся факт переселения душ и при этом чувствовать себя абсолютно нормально — вещь невозможная.

Когда немного отпустило, Грон по старой привычке «прокачал» ситуацию: «В плюсах: я жив, я молод, знаю язык и, по видимому, обладаю знанием массы технологий, которые позволят мне неплохо устроиться; в минусах: я не знаю, кто, где, когда и зачем со мной это сотворил, где я нахожусь, сколько у меня времени и зачем ему это надо». Он немножко покрутил в голове эти немудрящие выводы. Все остальное было из области догадок, сделанных на основе сведений, почерпнутых из научно-популярной литературы и околонуучной фантастики, а он привык работать с несколько более надежными источниками информации. Грон вздохнул, отложил вопросы на потом и двинулся к припортовым забегаловкам.

Покопавшись в воспоминаниях, он понял, что просто зайти и, улучив момент, ухватить кувшин не удастся. Портовые ворешки типа Грона давно были известны вышибалам, и попытка проникнуть в любую забегаловку вызывала у Грона неосознанные неприятные ощущения. Потом он представил, какой неприятной неожиданностью окажется подобная встреча для первого же вышибалы, привыкшего видеть в Гроне медлительного, тупого увальня, пару минут потешил воображение и отказался от своего намерения. В любом обществе столкновение людей столь разного социального статуса — уважаемого вышибалы, выполняющего свои оплачиваемые обязанности, и презираемого портового ворешки самого низкого уровня — могло закончиться только одним исходом, иначе... Грон вздохнул и решил действовать традиционным путем, который заключался в том, чтобы с неуклюжим грохотом ввалиться в заведение, заграбастать кувшин с ближайшего стола, молясь о том, чтобы он оказался не совсем пустым, и, получив штатную долю пинков и затрецин от посетителей и вышибалы, выбраться обратно. В этом случае он расплачивался за вино своими боками и устраивал для посетителей забегаловки что-то вроде выступления, за что ему милостиво позволялось унести кувшин.

Когда он приволок почти полный кувшин, груда встретила его недовольным ворчанием. Одноглазый зло сплюнул, взмахом руки оборвал бормотание и рявкнул:

— Ты, сын ишака и черепахи, где так долго шлялся?

Грон позволил телу отреагировать привычным бормотанием, потом подобрал брошенный кусок плесневелой лепешки и с огромным трудом удержался от того, чтобы не вцепиться зубами в облепленный песком ломоть. Пока рука нехотя счищала песок,

подрагивая от нетерпения, вызванного воплем пустого желудка, Грон анализировал ощущения. Первичное сознание обладало крайне скудными мыслительными способностями, поэтому сознание Казимира Пушкевича без проблем заняло доминантное положение в мозгу. Но примитивные функции и условные рефлекс типа реакции на имя, чувство голода, нежелания получать пинки и затрещины в забегаловке пока не сдавались. Грон быстро закончил с лепешкой и поймал себя на том, что смотрит голодными глазами на жующую груду. Меньше его в груди получал только Фанер-арфист, но тому уже было сто лет в обед, да и размеры его составляли едва четверть от Грона. Он с трудом отвел взгляд в сторону.

— Гляди-ка, а наш теленок не наелся!

Память Грона услужливо подсказала образ говорившего. Это был плотный высокий мужчина по прозвищу Акула-молот, все свободное время уделявший изобретению очередных издевательств. Он был чертовски силен, и, будь он чуть посдержаннее, их груды давно могла бы называться грудой Акулы, но Одноглазый, как умелый политик, сумел использовать гнусные наклонности Акулы для нагнетания страха перед ним, так что молчаливое большинство решило, что Одноглазый для всех удобнее. После двух попыток установить свою власть, закончившихся тем, что Акулу била вся груды скопом, он еще больше обозлился и сосредоточил свое внимание на самых безответных, к коим относились Грон, Фанер-арфист и еще пара убогих. Остальным перепало намного реже, только когда Акула входил в раж.

— Ну ты, сын коровы, если ты такой голодный, почему бы тебе не сожрать свою ляжку?

Груды оживилась, Акула придумал новое развлечение. Грон почувствовал, как тело начинает мелко дрожать. Это опять была реакция сродни условному рефлексу. «Ну ладно,— подумал он,— все равно рано или поздно придется менять социальный статус, почему бы не сейчас?» Он поднялся на ноги, усилием воли унял дрожь и попытался сгруппироваться.

— Ты смотри, теленок-то прыгучий.— Акула обрадованно двинулся к Грону — бить лежачего было скучно, а сейчас оказалось, что развлечение приобретает признаки какого-то разнообразия.— Так как насчет ляжки? — Он замахнулся и ударил открытой ладонью по уху.

Грон попытался поставить блок и... очутился на песке в позе младенца, закрывая голову обеими руками. Тело опять среаги-

ровало привычно. В бешенстве он отвесил себе оплеуху. Потом, все еще трясясь, поднялся на ноги. Казимир был невысоким, но быстрым и подвижным, его массы никогда не хватало, чтобы наносить убийственно сильные удары, поэтому он был вынужден стать точным. Теперь же он был заперт в теле увальня с мышцами молодого Джо Вейдера, реакцией улитки и рефлексамии зайца и черепахи. Короче, полное дерьмо.

— Ты смотри, наш теленок решил начать со своих отвислых губок, а как насчет ляжки, а, губастенький?

Грон опять очутился на песке, однако на этот раз его падение хоть и выглядело гораздо более неуклюже, но произошло отчасти под его контролем. Акула быстро входил в раж, он все сильнее бил Грона, пинал ногами и наконец согнул его шею и прижал губами к вывернутой ляжке.

— Куси!

Груда, активно подбадривающая Акулу криками, столпилась вокруг с горящими глазами.

— Куси, губастенький, а то шею сверну.

И в этот момент Грон почувствовал, что тело прекратило трястись. Страх исчез, осталась только боль, сосуды лопались от адреналина. Тело теперь подчинялось только ему. Он чуть повернул голову и вцепился зубами в толстый, короткий, заросший жесткими волосками и ужасно грязный палец Акулы. Акула заорал и от неожиданности выпустил Грона, который перекатился в сторону и, поднявшись на ноги, встал в свободную стойку.

— Ну, сын медузы и собаки...— Акула задохнулся от возмущения и, не закончив фразы, ринулся в атаку.

Грон позволил ему сделать два шага, набрать скорость, а на третьем ударил его ногой в лоб, с разворота. В то мгновение, когда нога коснулась лба Акулы, он понял, что не рассчитал, к массе этого тела он еще не привык, удар получился слишком сильным. Голова Акулы резко откинулась назад, позвонки хрустнули, и он мешком рухнул на песок.

Несколько мгновений стояла полная тишина. Потом двое прихлебателей Акулы — Багра, здоровенный чернявый горгосец, и Умас, по прозвищу Бритый Венет, что являлось для добропорядочного последователя бородатого бога Фазара, отца овец, венцом падения, — бросились на Грона. Все случилось слишком быстро, и до окружающих не дошло, что с «губастым» произошли крутые перемены. Пока все казалось случайностью, и Багра с

Умасом горели возмущением: «Да как он посмел?..» Грон прыгнул навстречу горгосцу и, поймав на коленный блок ступню, зажал ее в подколенную ямку между голенью и бедром, следующим движением вывернул согнутую ногу, заставив Багру упасть на песок, потом рухнул поверх него и прокатился по лежащему телу, стараясь воткнуться в него всеми выступающими костями: локтями, подбородком, лопатками, коленями... Подобный прием редко приводил к смертельному исходу, но после него человек не мог подняться без посторонней помощи и несколько дней чувствовал себя выплюнутым мясорубкой. Умаса он успокоил осторожным ударом в горло. Когда на песке оказались три распростертых тела, груды ошарашенно замерла. Грон поднялся, отряхнул песок и, подняв глаза, уперся в яростно блестящий взгляд Одноглазого. Груды, столпившаяся вокруг, внимательно наблюдала за ними. Одноглазый, увидев, как Грон справился с тремя самыми сильными членами груды, ждал, что нахлебши теперь бросит вызов ему. Грон быстренько «прокачал» этот вариант и решил, что столь резкое изменение статуса ему ни к чему, поэтому, порывшись в памяти, он опустил на колени перед Одноглазым и, склонив голову, откинул с шеи грязные, спутанные пряди. Одноглазый отшатнулся было от резкого движения, но затем, увидев позу покорности, шумно выдохнул, после чего, по традиции, лупанул ладонью по шее и отвернулся.

— Ну что уставились, рыбе говно? Лунар и Урс, это,— он брезгливо ткнул рукой в сторону трупа,— отволочь храмовым псарям, возьмете на обмен бараньей ребухи.— И, бросив на Грона косою взгляд, Одноглазый неторопливо отправился к выцветшему куску венетского ковра, уже не первый год служившего тронем хозяину груды.

Грон спокойно поднялся, подошел к кошме, раньше принадлежавшей Акуле, и, растянувшись во весь рост, сунул в рот кусок вяленой рыбы, на которой еще были видны следы зубов прежнего хозяина. Маленький переворот завершился, пора было думать о том, как наиболее успешно использовать его результаты.

Яркая луна стояла в зените. Мелкий неприметный человечек с серыми глазами выскользнул из-под сводов полуразрушенного портика и внимательно обвел глазами заросли, окружающие небольшую площадку перед пещерой. Вроде бы никого. Он осторожно двинулся вперед, стараясь не пересекать ярко освещенные луной участки, и скрылся в проеме пещеры. Пройдя около сорока

шагов, он остановился, достал из большого кошель, висевшего у него на поясе, два мешочка и две деревянные лопаточки, высыпал несколько щепоток порошка из каждого мешочка на пол пещеры и, спрятав мешочки с лопаточками обратно, отступил назад и длинной веткой смешал порошок. Из получившейся кучки раздалось шипение и начал подниматься дымок, потянувшийся в сторону входа. Человечек отпрянул и быстро пошел в противоположную сторону. Через несколько десятков шагов впереди обрисовался светлый прямоугольник с полукруглым верхом, еще несколько шагов — и он вышел на идеально круглую площадку, мощенную мраморными плитами. Пещера оказалась сквозной. Он остановился и оглянулся на выход, оформленный как арка. Магические порошки еще полчаса будут выделять смертельный газ, и никто из тех, кто мог бы следовать за ним с тайными целями, не сможет пройти пещеру, наполненную смертью. Человечек прекрасно знал, что вечерний бриз не даст этой смерти повернуть в сторону площадки, но все-таки поехал, вспомнив, как выглядел один из соглядатаев систраха, попытавшийся последовать за ним в тайное место, подобное этому. К тому же стоило поторопиться. Скоро вечерний бриз может смениться утренним, а площадка была слишком мала, чтобы чувствовать себя в полной безопасности даже в самой дальней от входа точке. Он быстро развязал кошель и вынул оттуда что-то напоминающее широкое блюдо или, скорее, чашу на короткой и широкой ножке. Поставив чашу в центр площадки, он достал еще несколько предметов необычной формы и осторожно вставил их в отверстия в ножке чаши, потом вынул длинный серебряный шип и, произнеся священную формулу, воткнул его в центр чаши. Некоторое время ничего не происходило, потом из центра чаши начало вырываться синее свечение, которое сгустилось и приняло вид сначала конуса, потом цилиндра, совершенно скрыв шип. Наконец свечение вздрогнуло и стало прозрачным, явив фигуру стоящего человека в длинном парчовом хитоне и мантии, с витым серебряным обручем на голове. Человек недоуменно повел глазами:

— Кто вызвал меня?

Человечек чертыхнулся про себя и, шустро порывшись в кошель, вытащил наружу что-то напоминающее небольшую шка-тулку и поставил перед собой.

— Это я, брат Эвер из Тамариса.

Человек нахмурился, но ответил тоном спокойным и величественным:

— Слушаю тебя, брат.

Человечек торопливо заговорил:

— Два дня назад, рано утром, Страж выкрикнул предостережение.

Человек подался вперед. Его глаза лихорадочно вспыхнули. Он хрипло выдохнул и произнес:

— Говори.

— К сегодняшнему вечеру я установил, что водонос из квартала ткачей вдруг выгнал из дома жену с тремя детьми и, продав дом, нанялся на корабль, идущий в Горгос. Сын купца Таяла оставил лавку отца и поступил в школу строителей при храме, где в первый же день поразил учителей своими рассуждениями об основах геометрии. Младший жрец в храме Сама и Ома украл кружку с дневными пожертвованиями и исчез. Говорят, его видели на ситаккской галере. Первосвященник пригласил для беседы Толкователя устами и Второго зрителя священного огня втайне от верховных жрецов Сама и Ома. И есть еще несколько необычных случаев: кузнец, мальчишка в груди портовой швали, матрос с элитийского купеческого судна.

Человек коротко кивнул.

— Кто же?

Человечек поежился под его пристальным взглядом.

— Я пока не знаю, Хранитель.

Хранитель сумрачно кивнул.

— Что ж, судя по всему, у тебя еще есть время. Ты знаешь, что делать, но смотри не упусти его.

Человечек опять поежился.

— О да, Хранитель, я знаю.

Хранитель еще несколько мгновений пристально смотрел на человечка, потом кивнул и исчез. Над чашей вновь висел голубой цилиндр. Человечек протянул руку, коснулся одного из магических предметов, и чаша погасла. Он проворно собрал все в кошель, вскочил на ноги и направился ко входу в пещеру. Дойдя до места, где он смешал порошки, брат Эвер остановился, достал из кошелька камень, ярко светящийся во мраке пещеры густым бордовым цветом, и бросил его вперед. Камень упал на пол и слегка потускнел, продолжая, однако, по-прежнему светиться бордовым. Это означало, что невидимая смерть, заполнявшая пещеру, уже покинула ее, но некоторые следы еще оставались.

Человечек отступил на несколько шагов, глубоко вдохнул и, задержав дыхание, бросился вперед, на ходу подхватив камень с пола. Когда он выбежал на поляну, луна уже скрылась за ветвями деревьев. Он пробежал всю поляну и остановился только на дальнем краю, судорожно выдохнув воздух и жадно втянув его вновь. Человечек оглянулся. На поляне темнело несколько странных пятен, это были трупики летучих мышей и птиц. Он подумал, что надо бы подобрать их и выбросить в море. Но потом представил, как будет брать плоть, расплзающуюся в руках, и, содрогнувшись, повернулся и пошел прочь. К утру от трупиков останутся только косточки, а с него на сегодня достаточно. И будь он проклят, если рискнет еще раз воспользоваться этой дьявольской штучкой, до того как будет готов предстать перед Хранителем с докладом о том, что выполнил свою задачу. Человечек удрученно покачал головой, вытер выступивший на лбу пот и, поежившись, двинулся вниз по склону. Ну почему, когда боги сбросили душу Измененного, она упала именно на его придел?

— Оокона — обитаемый мир, это наросты грязи на спине гигантской морской черепахи. Она плывет по Бескрайнему Океану и ест большую белую рыбу. Иногда она заглатывает слишком большой кусок, и тогда ее живот пучит, и она трясется и пускает газы, но потом все опять становится на свои места. Но однажды она съест рыбу и нырнет за новой, и тогда воды Бескрайнего Океана смоят грязь, и только те, кто будет угоден богам, или те, кого сохраняют духи предков, смогут удержаться на поверхности и дать жизнь новым поколениям.— Фанер-арфист облизал пересохшие губы и отпил большой глоток из кувшина.— Так уже было, и, как считают мудрые заггры, скоро черепаха нырнет опять.

Грон приподнял веки — после сытного ужина не хотелось двигаться. Это тело странным образом продолжало мелко пакостить где только можно, вот и сейчас он, не заметив, как это произошло, нажрался так, что казалось, еще кусочек, и мясо полезет из ушей, но отголоски преданий о Всемирном потопе и конце света со Страшным судом странным образом перекликались с мифами его памяти.

— А как давно ныряла черепаха?

— Заггры говорят, что последний раз она ныряла почти тысячу лет назад, точно никто не помнит, но священное число заггров

1077. Они считают, что было пятьдесят погружений, но их книги описывают только три.

— Что? — С Грона слетела вся дрема.— Ну-ка давай подробнее.

Фанер-арфист удивленно посмотрел на него:

— Господин мой, но об этом знает любой водонос.— Однако, наткнувшись на сердитый взгляд Грона, поспешно продолжил:— Все народы — порождения своих богов: на севере — элитийцы, их породили Эор и Энолла, воплощение луны и солнца; на востоке — венеты, дети Фазара, все двенадцать венетских колен считают своим отцом Фазара — отца овец, а вот мать у каждого рода своя, старейшими считаются Балили-вода и Могони-буря на западе — горгосцы, их боги: Щер, Зугар и Магр — это Гром, Молния и Смерть; на юге — Отец-змея. На островах свои боги. В славном Тамарисе это боги-близнецы Сам и Ом, каждый из них поселил своих детей на берегу одной из гаваней города. На восточной,— он кивнул в сторону моря,— живут дети Ома, а на западной,— он повернулся к береговой гряде,— дети Сама, а посередине стоит храм, в котором...

— Мне начхать на этот храм,— не сдержался Грон.— Кто такие заггры и откуда они знают, что черепаха ныряла пятьдесят раз?

Фанер-арфист некоторое время испуганно смотрел на него, потом осторожно отодвинулся.

— Заггры — это толкователи завета. Они ведут Книгу Мира и сохраняют заветы предков. Каким бы богам ни поклонялись народы, среди них всегда есть заггры.

Грон возбужденно потер переносицу, появилась какая-то ни-точка.

— А как они друг с другом связаны?

— Кто? — не понял Фанер-арфист.

— Заггры.

— Их учат при храмах.

— Да нет,— Грон досадливо поморщился,— я говорю о загграх разных народов.

Фанер-арфист отрицательно покачал головой.

— Никак, господин, они не жрецы, они не служат богам, не толкуют их знаки, они ищут Книгу Мира и ищут в прошлых списках толкования знаков, посылаемых предками. Ибо боги вершат судьбами только великих людей мира, тех, кто правит народами, остальных опекают предки.

— А где можно посмотреть Книгу Мира?

Фанер испуганно замахал руками.

● Смертельный
удар ●

ПРОЛОГ

Квадрига медленно спускалась по крутому склону холма. Это был самый опасный участок Дороги Богов, славящейся своими непредсказуемыми спусками, подъемами и поворотами. Каждую осень, во дни Семиртерия, праздника, посвященного богине смерти Магр, на этой дороге, ведущей из столицы к комплексу зданий главного храма Магр, проходили гонки квадриг. И редко когда до конца дистанции доходило более четверти колесниц, возницы которых, зная об этом, выходили на старт в белых одеждах, ибо белый цвет — цвет смерти. Однако, хотя сегодня было обычное весеннее утро, а прицепленная к упряжке колесница была не гоночной, повинующейся малейшему движению пальцев возницы, а крепкой и несколько неуклюжей, дорожной, судя по пене, высыхающей на раздувающихся конских боках, возница этой квадриги также показал, на что способны и кони, и он сам. И все же спуск, на который вынесли колесницу взмыленные кони, был-таки слишком крут, чтобы продолжить демонстрацию своего искусства и мощи великолепных коней. А Вграр, Верховный жрец Магр, держащий поводья, при всем своем буйном характере обладал и достаточным умом, чтобы понимать, как бы невзрачно ни выглядел его пассажир: человека, приехавшего с самого Острова, не стоит сильно раздражать. Особенно если он носит титул Хранителя Порядка. Жрец кинул взгляд на человечка, скрючившегося у бортика колесницы. Тот в очередной раз перегнулся через поручни и выкашлял на дорогу остатки обильного завтрака, а потом обессиленно свалился на пол колесницы. Вграр обеспокоенно повел широкими плечами. Не перестарался ли он, столь рьяно демонстрируя свое искусство колесничего? Хранитель выглядел не очень крепким. Но жрец с молодых ногтей привык относиться к Хранителям как к высшим существам, во всех отношениях превосходящим людей. И хотя разумом он давно уже понял, что это не так и что они обычные люди, со своими слабостями, страстями и болезнями, где-то в

глубине души еще таился со времен послушничества страх перед теми, кого именовали Хранителями. И несмотря на то что с той поры он сумел возвыситься настолько, что сам стал внушать страх и благоговение, от того могущества, которым обладали Хранители, захватывало дух и кружилась голова. Вграр страстно мечтал достигнуть той ступени, когда любой властитель счел бы за честь стать твоим слугой, а одно мановение твоей руки приводило в движение неисчислимые армии и целые народы. Но жрец уже достаточно знал об Ордене, чтобы быть в курсе, что здесь не было принято поощрять откровенных карьеристов. Хотя, понятно, приветствовалось то, что называлось здоровым честолюбием. Причем где пролегалась грань между первым и вторым, в отношении людей его ранга определяли сами Хранители, которые, естественно, не были особо заинтересованы в появлении сильных конкурентов. Жрец давно пришел к выводу, что ему нужен серьезный союзник из их среды. Так что эта лихая гонка была не столько даже следствием буйного нрава Вграра, сколько попыткой показать, так сказать, товар лицом. Положение Ордена в Горгосе было стабильным уже не одно столетие, и Хранитель не хуже его самого понимал, насколько простираются границы могущества посвященных на этой земле. А потому жрец справедливо рассудил, что, для того чтобы заинтересовать Хранителя, нужна не демонстрация власти и богатства, а что-то еще, и со свойственной ему самоуверенностью решил продемонстрировать собственную силу, мощь и лихость, предположив, что уж такой-то мозгляк должен оценить, насколько важен будет для него столь могучий союзник. Вграр бросил на своего пассажира осторожный взгляд. Человечек издал слабый стон. В этот момент крутой спуск закончился и кони начали резво набирать ход, но Вграр натянул поводья, не давая коням разогнаться. Его гостю уже было довольно. Еще пара миль — и они въехали в ворота, прорубленные в храмовой стене.

Некоторое время спустя оба уютно устроились в небольшом, увитом плющом павильоне, скрытом в густых зарослях дальнего угла храмового сада, примыкавшего к задней стене дарохранилища. Хранитель Порядка, желудок которого до сих пор не пришел в спокойное состояние после сумасшедшей гонки, неизвестно зачем затеянной этим идиотом, тоскливо окинул взглядом столик, заставленный вазами с фруктами, и протянул слабую руку к кубку с соком. После нескольких глотков он почувствовал

себя немного лучше и, поставив кубок, откинулся на спинку плетеного стула.

— Значит, вы считаете, что ваш план принесет успех?

Вграр шумно захохотал:

— Конечно, Хранитель. Этот Измененный оказался довольно крепким орешком, и я думаю, что прямое давление ничего не даст. Пока. Но того, что обсуждалось, тоже недостаточно. Я думаю, к настоящему моменту всем уже стало ясно, что наша самая большая угроза не «грязные знания», которые он несет, и не то, что он держит под своей рукой обширные земли. В конце концов, все это непотребство не будет продолжаться слишком долго. Наша самая большая угроза — сам Измененный. Сама Магр не знает, какие трюки у него еще припасены. И наш основной удар надо направить именно на него.— Он гыкнул, довольный собой.— Судя по тому, чем окончились наши прежние попытки его нейтрализации, он был в своем мире не последним человеком.— Жрец сгреб своей лапищей кубок с дожирским и, уполовинив его одним глотком, продолжил, довольно крикнув: — Сказать по правде, он достоин восхищения. Я полистал книги и могу сказать, что не нашел ни одного его предшественника, которому удалось сделать так много за столь короткое время. Признаться, кое-что из его нововведений мы применили и у себя.— Он бросил в сторону собеседника испытующий взгляд, но Хранитель Порядка остался невозмутим.

Еще несколько лет назад Хранитель, носивший тогда имя брата Эвера из Тамариса и имевший самый низший в Ордене ранг — Наблюдателя, пришел бы в ужас от одной мысли, что Орден хотя бы просто оставит в своих рядах кого-нибудь, соприкоснувшегося с «грязным знанием», принесенным в мир Измененным, но сейчас... Последние два Совета Хранителей были проведены в основном для того, чтобы официально выразить одобрение некоторым нововведениям, которые хотя и именовались привнесенными Творцом, но реально были переняты у Измененного.

— Так вот,— продолжал Вграр,— как это ни прискорбно, сейчас я не только не вижу силы, которая могла бы очистить землю, оскверненную Измененным, но и не вижу в этом особой необходимости. Еще раз повторю, что главное — сам Измененный.— Он сделал паузу, влил в глотку остатки вина и поставил кубок на место. Хранитель в свою очередь пригубил сок, успев поймать еле заметный отблеск презрения, мелькнувший во взгляде со-

беседника. Брат Эвер из Тамариса вряд ли бы смог обратить внимание на едва уловимый отблеск, но жизнь в резиденции Ордена очень быстро учит замечать малейшие оттенки в поведении тех, с кем сводит тебя судьба. Человечек усмехнулся про себя. Этот дюжий, высокомерный мужлан хочет его использовать? Что ж, посмотрим, кто, в конце концов, от этого использования больше приобретет.

— И как вы хотите это сделать?

Вграр подался вперед и яростно заговорил, обдавая собеседника брызгами слюны:

— У каждого человека, Хранитель, даже у меня и у вас, за спиной болтаются... поводья. Как у коней, запряженных в квадригу. И сила Измененного не столько в нем самом, сколько в том, что он сумел запрячь в свою квадригу сильных «коней» и искусно управляет ими. Мы должны просто перехватить эти поводья из его рук, а если получится — взнудать и его самого. А разве есть в этом мире кто-то, кто умеет делать это лучше, чем Орден? В конце концов, разве не этим мы занимаемся на протяжении всего своего существования? — И он оглушительно захохотал.

Человечек по возможности незаметно обтер рукавом забрызганное слюною лицо и на мгновение стиснул зубы. Брат Эвер успел проникнуться крайней неприязнью к этому грубому, потному мужлану, пользующемуся любой возможностью продемонстрировать свое физическое превосходство, но он уже достаточно долго пробыл Хранителем, чтобы научиться хорошо скрывать свои истинные чувства. Поэтому он дождался момента, когда его собеседник наконец замолчал, и, изобразив вежливую улыбку, спросил:

— Значит, вы предполагаете, что этого Измененного тоже можно взнудать?

— А почему бы и нет? — Вграр пожал плечами.— У него есть жена, дети, какие еще нужны поводья для человека?

— До сих пор он демонстрировал поразительные способности ускользать из наших самых хитроумных ловушек,— возразил Хранитель.— Так что я не был бы столь самоуверен и в этом случае.

Вграр сграбастал крупное, крепкое яблоко и, с хрустом откусив, широко осклабился. Так, что изо рта торчала белая яблочная плоть.

— Что ж, очень может быть. Но я не думаю, что это будет совсем уж бесполезно. По моим сведениям, он искренне привязан

к своей семье. В конце концов, если не получится так, как я... как мы планируем, то хотя бы это просто причинит ему боль.

Хранитель несколько мгновений смотрел на жреца, потом коротко кивнул и протянул руку к своему кубку с соком. Вграр отвернулся и облегченно смахнул пот со лба. Несмотря на всю демонстрируемую им самоуверенность, он сильно нервничал. Но, благодарение Магр, свершилось. Его план одобрен, а это значит, что именно он становится первым среди посвященных высшего ранга. Ибо именно он будет острием копья, которое Орден вонзит в Измененного. Что ж, не зря говорят, что времена смуты топят неудачников и выносят наверх обреченных властвовать. Он стал самым молодым Верховным жрецом Магр за всю историю Храма и сейчас получил шанс стать самым молодым Хранителем за всю историю Ордена.

Часть I

БИТВА МОРСКИХ ДРАКОНОВ

Грон стоял у дворцового окна и смотрел во двор. Последние четыре года он проводил в Эллоре пять зимних лун, а как только открывались перевалы — отправлялся на север, в Атлантор. Основные события разворачивались именно там. Там был Корпус, там были новые заводы, там был флот. Здесь, в Эллоре, мало кто знал, что делает на севере герой войны с Горгосом и супруг базиллисы, по каким-то неясным для всех, но, видимо, важным для него причинам отказавшийся от коронации. Но к этому уже привыкли. И вот сегодня он в который раз подумал о том, что к исходу четверти пора отправляться в дорогу. Толла тоже знала об этом, и потому эти последние ночи были настоящим неистовством. Однако вот уже третий день Грон, несмотря на усталость после столь бурных ночных ласк, просыпался с первыми лучами солнца и больше не мог заснуть. Эта весна началась стремительно, солнце светило ярко, но ему казалось, что на ослепительно голубое небо наползает какая-то зловещая тень. И именно она не давала ему спать. Как бы невероятно это ни звучало — Великий Грон, для многих являющийся символом отчаянной смелости и неукротимой отваги, в одиночку проникнувший за стены занятого горгосцами Акрополя, а потом с боем прорвавшийся сквозь легионы горгосцев к воротам и открывший их для своих воинов, боялся наступающей весны.

Более пятнадцати лет назад Казимир Янович Пушкевич, сын польского шляхтича и воспитанницы Смольного института, внук приват-доцента Киевского университета, волею случая или судьбы ставший офицером НКВД и вышедший на пенсию в звании полковника КГБ, известный всем спецслужбам мира под агентурной кличкой Клыки и собравший под разными псевдонимами мантии почетных членов нескольких всемирно известных университетов, после неравной схватки с бандитами, пытавшимися

принудить его отдать им его собственную квартиру, принял смерть в своем времени, в своем теле, в возрасте шестидесяти девяти лет. Перед тем как испустить дух, он, по просьбе своего покойного друга, корейского монаха, которого привел с собой пленником из диверсионного рейда во времена Корейской войны, а потом спас из застенков МГБ, нахлобучил на голову некий головной убор, именуемый Белым Шлемом. Это ли послужило причиной, либо что иное, однако он не попал на тот свет, а очнулся в теле умственно недоразвитого парня по имени Грон, подвизавшегося в качестве мальчика на побегушках в толпе припортовых оборванцев, живущих за счет мелкого воровства и погрузочных работ в большом, по местным меркам, торговом порту, в мире, едва достигнувшем уровня развития древних греков и римлян. В новом для себя мире он прошел тернистый путь, сначала попав в рабство, затем в плен к пиратам, потом странствуя с караваном торговцев, работая сельскохозяйственным рабочим и табунщиком и, наконец, став уважаемым заводчиком лошадей. Однако все это время за ним следили враждебные глаза, и многое из того, что происходило с ним, вовсе не являлось случайностями этого жестокого мира, но было результатом усилий некоей могущественной организации, обладающей тайной, однако наиболее сильной властью в этом мире. Эта организация именовалась Орденом. И в конце концов Грон столкнулся с Наблюдателем Ордена лицом к лицу. Оценив все, что ему удалось узнать, он решил вступить в схватку с Орденом. Собрав войско, стал сначала князем долины, а затем Старейшим князем Атланта, страны северных гор. Став Старейшим, он получил в руки невиданную власть. Его отряд, не мудрствуя лукаво названный им Дивизией, разросся до нескольких десятков тысяч человек. После чего Орден пришел к выводу, что этого Измененного необходимо остановить, не считаясь уже ни с какими потерями, и бросил в бой сначала кочевников, а потом одновременно армии двух самых могучих государств — Венеции и Горгоса. Грону удалось привлечь на свою сторону кочевников, после чего он вступил в войну с остальными. Во время решительного боя погиб один из высших иерархов Ордена, который руководил этой войной, а в плен попал сам принц горгосцев, командовавший всем экспедиционным корпусом. Это означало конец войне. Горгосцы ушли, а Орден прислал парламентаря с предложением объявить перемирие на пять лет.

Грон вздохнул. С тех пор прошло уже почти четыре года, и последнее время его все больше мучили тяжелые предчувствия. Сложно представить, чтобы Орден до конца сдержал слово. А это значит, что со дня на день надо ждать удара. Только вот когда точно? И где?

За спиной раздался шорох, Грон обернулся. Толла потянулась на ложе и, распахнув свои огромные глаза, повела по сторонам еще томным со сна взором. Заметив Грона, она улыбнулась, еще раз выгнулась, потягиваясь, и грациозным движением села на кровати. Тут лицо ее нахмурилось, и она встревоженно спросила:

— Что случилось, любимый?

Грон покачал головой и ласково улыбнулся:

— Ничего, просто радуюсь солнечному дню и тому, что могу провести его с тобой.

Толла несколько мгновений тревожно смотрела на него, но Грон сохранял на лице веселую мину, что, впрочем, было не так уж трудно, имея перед глазами столь великолепный объект, потом расслабилась, тряхнула волосами и тихонько засмеялась. Грон почувствовал, как в сердце ударила мягкая волна восторга. Эта женщина могла по-прежнему свести его с ума одной своей улыбкой. Тут за пологом, закрывавшим арку двери, послышалось торопливое шлепанье босых детских ножек. Грон поспешно накинул на плечи край тоги. Он еще не настолько проникся местными нравами, чтобы предстать нагишом перед собственным сыном. Толла хихикнула. Она частенько подтрунивала над подобными комплексами мужа. По-видимому, она и сейчас собиралась сказать что-то ехидное, но в этот момент полог распахнулся — и пред ними предстал маленький Югор. Увидев, что родители уже проснулись, он восторженно завопил и, вытянув руки, на которых болтался большой тряпичный горный барс, громко возвестил:

— Снежный хотит падаяться.

Грон шагнул вперед, с серьезным видом погладил барса по пятнистой спинке и произнес:

— Доброе утро, Снежный, как вы провели ночь?

Югор прижал игрушку к себе и серьезно заявил:

— Мы пали киепко.

Толла с улыбкой наблюдала за ними. В этот момент раздался крик Лигейи. Толла соскользнула с ложа и подбежала к детской кроватке, стоящей в углу спальни. Лигейя уже стояла на ножках и тянула к ней ручки. Когда мама с дочкой вернулись к своим

мужчинам, те уже всю возились на ложе. Стоило Лигейе увидеть отца и брата, как комнату огласил еще один радостный вопль. Спустя мгновение на ложе образовалась куча мала из четырех тел. Старая няня, только теперь успевшая подняться по лестнице вслед за шустрым мальчуганом, привалилась к косяку, с улыбкой слушая радостные детские вопли и залихватый смех. Эта семья мало чем напоминала привычные патрицианские семьи, где отец начинает узнавать сына в лицо, только когда тот переходит спать на мужскую половину дома, а дочь, когда принимается подыскивать ей партию для замужества. Те же, кто был перед ней, искренне любили друг друга. На глаза нянечки навернулись слезы, и она, достав амулет Матери-солнца, зашептала над ним страстную молитву. Слишком много она видела на своем веку примеров тому, что счастье мимолетно, а расплата за подаренные им мгновения — слишком велика. Закончив с молитвой, нянечка спрятала амулет и, выйдя в коридор, устроилась на небольшой скамеечке, дожидаясь, когда мальчика можно будет отвести в купальню. Это произошло только спустя полчаса.

После завтрака семейство отправилось кататься. Грон посадил Югора в маленькое креслице, прикрепленное к передней луке его седла, а Толла вместе с Лигейей ехала в колеснице, которой управляла Беллона. Франк скакал рядом, его Эмиор был еще слишком мал для таких прогулок.

— Папа, моти, каяблик! — восторженно завопил Югор, указывая на панораму порта, открывшуюся перед ним. Франк усмехнулся:

— Твой сын прав, сейчас это нечастое зрелище.

Грон кивнул. В последнее время морские путешествия стали слишком опасным делом, и купцы все реже снаряжали торговые караваны к другим берегам. На западе рыскали горгосцы, на востоке — венеты, и нужно было нанимать слишком большую охрану, чтобы иметь шансы проскочить. Правда, оставался еще юг, но там были ситаккцы. И хотя они редко нападали на большие караваны, но столь долгий круговой путь требовал слишком много припасов и сулил столь серьезные расходы, что на прибыль можно было не рассчитывать. Так что идти мимо Ситакки имело смысл только в одиночку, в крайнем случае парой, надеясь больше не на силу, а на удачу. Охотники пока еще находились, но их с каждым годом становилось все меньше и меньше. К тому же доходили слухи, что элитийских купцов не очень приветливо принимают в горгосских и венетских городах, а неско-

лько кораблей даже ограбили, убив при этом их владельцев, да и капитанов тоже, а команды продав в рабство. По-видимому, мысли Франка текли в том же направлении.

— Думаешь, работа Ордена?

— Думаю, да. Но это мелочь — нападения на купцов. Так что пока можно считать, что перемирие соблюдается.— Грон усмехнулся.— Кто бы мог подумать, что оно затянется так надолго?

Франк кивнул:

— Ну, ты-то зря времени не терял.

Грон вздохнул:

— Боюсь, что они тоже.

Они вернулись во дворец с боем полуденного колокола. После обеда Грон, Франк, Комар и Толла собрались в угловой башне. Все знали, что через несколько дней Грон уедет и за это время им надо было еще очень многое сделать. Но сегодня Грон собрал их как бы на итоговый разговор. Он хотел перед отъездом точно уяснить, как начинается этот год.

Тяжело вздохнув, Грон произнес:

— Ну что ж, друзья, есть ли у кого-то сомнения, что наше перемирие с Орденом подходит к концу?

Все невольно вздрогнули от этого вопроса. Франк ответил за всех:

— Нет.

Несколько мгновений стояла тишина, потом Грон спокойно попросил:

— Я хочу, чтобы каждый из вас проанализировал все, что он знает с этой точки зрения, и ответил мне, что, по его мнению, Орден уже предпринял против нас.— Он сделал паузу.— Это были слишком спокойные годы, друзья, и волей-неволей мы расслабились, а потому мы вполне могли этой весной что-то упустить. Что-то, что показалось случайностью, не заслуживающей ни вашего, ни моего внимания. Для нас сейчас очень важно узнать, что они собираются предпринять. Угадать направление удара, который они готовят.

Некоторое время все молчали, потом Франк окинул всех спокойным взглядом и негромко произнес:

— Море.

Комар встрепенулся:

— Видимо, да, венецкие галеры и горгосские триеры рыскают у самых берегов, и даже каботажные капитаны испытывают страх, выходя в море. К нам еще захаживают купцы из Тамариса или

с Аккума, реже венеты, но наши даже не рискуют собирать караван.— Он помолчал.— Я слышал, несколько человек хотят сговориться с капитанами венетских торговцев и попытаться проскользнуть через ситакские воды. Но мало кто верит, что у них что-то получится.

Франк добавил:

— Горгосцы разграбили несколько рыбацких деревень, и теперь даже рыбаки не часто рискуют выйти в море.

Комар подтвердил:

— Цена на рыбу на базаре взлетела до немислимых высот.— Он возмущенно фыркнул.— Когда вы видели, чтобы корзинка белогрудки стоила целых два золотых? Да сейчас на рыбе можно озолотиться.

Грон усмехнулся:

— Может, мне со своими кораблями заняться ловом рыбы? Заодно и денег заработаю.

Все рассмеялись, и это несколько сняло напряжение, повисшее в комнате. Вдруг Грон повернулся к Комару и спросил:

— Как скоро ты сможешь узнать имена тех купцов, что собирались договариваться с венетами?

Комар насторожился:

— К вечеру, а что?

Грон сделал неопределенное движение рукой:

— Так, есть одна мысль, но мне надо знать, как у них дела с деньгами.

Все недоуменно смотрели на него. Грон рассмеялся:

— Просто я хочу получать деньги, ничего не делая. В моем мире это называется страховка.— И, насладившись зрелищем недоуменных лиц, пояснил: — Мы заранее берем определенную сумму денег, скажем, пятую часть стоимости груза, корабля и какую-то часть тех денег, в которые они оценят свои жизни. Если плавание пройдет успешно, то деньги остаются нам, но если нет — мы выплачиваем всю сумму.

Комар некоторое время смотрел на Грона, потом замотал головой:

— Абсурд! Сейчас нет почти никаких шансов на то, что они проскользнут. Так что мы только потеряем деньги. А потом, если все наладится, кто захочет просто так отдавать свои деньги?

Грон усмехнулся:

— Ты не совсем прав. Сейчас мы, скорее всего, действительно потеряем деньги. Но при нормальной обстановке у нас не так

много шансов уговорить купцов расстаться с деньгами на подобных условиях. К тому же, если они поплывут на венецких кораблях, расходы будут не так высоки, только на возмещение стоимости груза и суммы, в которую будет оценена жизнь самого купца. Кроме того, чуть позже я тебе расскажу, что такое отлаженная страховка, и кое-что еще. Для начала надо показать, что это работает, отладить механизм и создать ажиотаж, а начать получать денежки можно, когда прижмем горгосцев. Мы же в любом случае скоро ими займемся.

Комар задумчиво кивнул:

— Что ж, можно попробовать. Но все равно я думаю, что, когда серьезная угроза спадет, число желающих платить за это деньги сильно сократится.

Грон покачал головой:

— Не думаю, что так уж сильно. Ты недооцениваешь силу привычки. К тому же всегда есть опасность налететь на рифы, попасть в сильный шторм, да мало ли еще.— Он махнул рукой.— К тому же пираты. Так что...— Грон усмехнулся,— это работало в моем мире, и, можешь мне поверить, я знаю, как заставить это работать здесь. Ну да ладно, какие еще идеи?

Они закончили, когда солнце уже село. Комар еще порывался что-то сказать или спросить, но Франк двинул его локтем под ребро и выразительно скосил глаз в сторону Толлы, которая, улыбаясь, смотрела на Грона. Комар запнулся на полуслове и торопливо поднялся.

Когда они ушли, Толла встала, распустила волосы, и, подойдя к Грону, опустила к нему на колени, и прижалась. Тот обнял ее. Толла замерла, а потом еле слышно произнесла:

— У меня большие планы на сегодняшнюю ночь, любимый.

— Такие же, как и на предыдущую? — улыбнулся Грон.

Она мотнула головой, хлестнув его своими роскошными волосами.

— Больше.

И вдруг замерла. Грон некоторое время молча обнимал ее, потом почувствовал, как ему на грудь упала слеза. Он осторожно отстранил лицо жены и повернул к себе:

— Что с тобой, малыш?

Дрожащими губами она тихо произнесла:

— Ох, Грон, что бы дальше с нами ни было, я благодарна богине, что она подарила мне встречу с тобой.

Грон несколько мгновений молча смотрел в ее наполненные слезами глаза, потом губами высушил их и произнес:

— Что бы дальше с нами ни было, запомни одно: я приду за тобой, за вами даже в Мир мертвых.— Он помолчал и неожиданно севшим голосом закончил: — Ты только дождись меня, ладно?

Грон выехал на рассвете. Его немного шатало в седле. Со вчерашнего вечера он ни на минуту не сомкнул глаз. Когда он вспоминал прошедшую ночь, то ему вдруг пришла в голову мысль, что Толла, кроме всего прочего, постаралась сделать его импотентом на ближайшие семь лун. Что ж, ей это полностью удалось в моральном плане, вряд ли какая еще женщина сможет теперь его удовлетворить, и почти удалось в физическом. К полудню он понял, что если не поспит, то вряд ли когда доберется до Корпуса, как теперь именовалась изрядно разросшаяся Дивизия. Сначала Грон намеревался уже к полудню добраться до первой курьерской заставы, где его должен был ждать эскорт из «ночных кошек», но быстро понял, что после такой бурной ночной жизни, продолжительностью в целую четверть, вряд ли сумеет доехать даже завтра к вечеру. Если хоть немного не отдохнет. Он пропустил мимо какого-то суматошного курьера, бросившего на него испуганный взгляд и судорожно подхлестнувшего лошадь, потом, воровато оглянувшись, не заметит ли кто, что Великий Грон собирается среди бела дня завалиться спать, свернул с дороги и спустя полчаса въехал под сень известной ему еще со старых времен, но совершенно незаметной с дороги рощицы. Когда он миновал первые деревья, то облегченно вздохнул и похвалил себя за то, что принял решение оставить эскорт на первой курьерской заставе от Эллора. Такие заставы он устроил еще в первый год после войны, так что любое известие теперь проделывало путь от Герлена до Эллора за неделю. А срочные переносились голубями всего за пару дней. К тому же участок от Герлена до Фарн уже был оборудован гелиотелеграфом, который использовался и для передачи частных и коммерческих сообщений, что приносило неплохие деньги и должно было принести средства для завершения строительства линии до самой столицы. Хорошо бы он сейчас выглядел в глазах бойцов. Великий, Железный и Непобедимый — еле живой после ночи с женщиной. Грон усмехнулся и, морщась, сполз с седла. Здесь, в самом центре рощицы, была премиленькая полянка с сонной травой, а у дальнего конца лощинки сочился между камней родничок, стекавший в каменную выемку, за долгие века вы-

долбленную водой в грубом валуне. Этаким райский уголок для влюбленных. Правда, добраться сюда можно было только пешком или верхом на такой твари, как Хитрый Упрямец, а элитийские девушки не имели привычки трястись в седле или часами топать по солнцепеку. К тому же подобных райских уголков было сколько угодно и гораздо ближе к обитаемым местам или к самой дороге, так что, судя по всему, сюда никто никогда не заглядывал. И если бы не его привычка в бытность десятником базарной стражи гонять своих ребят по самым глухим и непролазным местам, он вряд ли бы сам узнал о существовании этого места.

Расседлав и стреножив Хитрого Упрямца, Грон раскатал плащ под кряжистым дубом и, прикинув, где будет солнце часа через два, улегся точно на это место.

Ну, конечно, он проспал. А может, просто его хранили местные боги. Когда Грон проснулся, уже почти совсем стемнело. За пять зимних лун он отвык спать на земле, и потому все тело ломило, а голова от долгого сна на солнцепеке была тяжелой. Грон сполоснул лицо, но потом решил, что этого мало, и искупался в чистой ледяной воде. Стало немного легче. Он оседлав Хитрого Упрямца, с усмешкой подумав, что упражнения, подобные тем, которыми ему пришлось заниматься последнюю четверть, вполне могут загнать в гроб гораздо эффективнее, чем все усилия Ордена. Но это была скорее ироничная, чем тревожная мысль. Он чувствовал себя пока еще не совсем в норме, а потому решил идти пешком, ведя Хитрого Упрямца в поводу. Тот, конечно, мог даже в крошечной тьме пройти по почти отвесному склону, однако Грон пока не был готов при этом болтаться в седле, стиснув коленями конские бока и вцепившись в узду, — Хитрый Упрямец всегда двигался с полным презрением к комфорту всадника. Он считал, что всадник должен быть достоин его и раз уж сел ему на спину, то как там удержаться — это его проблемы.

Они двинулись в путь. Грон сразу круто забрал влево, решив срезать путь через знакомую ему лощину. Через пару тысяч шагов почва под ногами стала более мягкой. Это означало, что они начали спускаться в лощину. Цоканье копыт Хитрого Упрямца стало почти неслышным. Грон брел за Хитрым Упрямцем, стараясь не споткнуться о корень, как вдруг конь остановился и еле слышно всхрапнул. Это было столь неожиданно, что Грон чуть не налетел на его круп. Обычно именно так Хитрый Упрямец предупреждал его о таящейся впереди опасности, и еще не было

случая, когда он ошибся. Грон несколько мгновений стоял, тупо уставясь на лошадиный хвост. С тех пор как стратигом стал Франк, местные сестрархи с помощью стратигария хорошо почистили страну. И хотя нельзя было сказать, что разбойников не осталось совсем, но так близко от столицы... Грон и его конь, пятась, отошли назад, после чего Грон завязал поводья на луке седла и показал Хитрому Упрямецку кулак. Тот недовольно фыркнул, но, когда Грон скользнул в темноту, остался на месте.

Нет, за пять зимних лун он действительно потерял форму. Пока Грон подбирался к небольшому костерку, горевшему на узкой поляне в середине миртовых зарослей, он трижды хрустнул веткой, пару раз вляпался рукой в чей-то помет и один раз вынужден был подняться в рост, чтобы перебраться через поваленный ствол дерева. Однако, как бы там ни было, вскоре он сидел в кустах и, чуть отвернув голову в сторону, чтобы пламя костра не слепило, напряженно вслушивался в перебранку у костра.

— Едет, едет! Где он едет?! От столицы досюда десять миль. Если он выехал поутру, куда он мог деться? — Этот грубый и сиплый голос принадлежал дюжему волосатому мужику с торчащими во все стороны длинными космами. Ему ответил более тонкий голос:

— Я сам обогнал его за пару миль до поворота. — Голос дрогнул. — Когда он глянул на меня, у меня аж мурашки пошли по коже. — Голос сделал паузу. — Говорят, он может голыми руками придушить горного барса, и не одного. А свою крепость на севере он основал именно там, где за один день изничтожил сотню горных барсов. Местный князь отдал ему долину, надеясь, что барсы его сожрут, а он их всех передушил и основал там свою крепость, куда стали стекаться все разбойники и убийцы. И сейчас он навевает страх на все горы.

Грон невольно улыбнулся. Он уже не раз слышал о себе похожие легенды. И, честно говоря, в том, что к нему в Корпус поступали люди, у которых за плечами была не очень добропорядочная биография, была изрядная доля истины. Грон давал им еще один шанс. Что, впрочем, не все правильно понимали, к своей собственной беде. Корпус жестоко расправлялся с теми, кто позорил его имя.

— Кончай болтать. От пяти арбалетных болтов не спасет никакое умение. Если он действительно проедет здесь, то мы его прикончим, а если нет, то, значит, боги выкинули ему нужные

кости и у твоего хозяина не будет причин быть нами недовольным.

— Господин Алкаст сказал, что заплатит остальное, если только увидит его голову,— обиженно произнес тонкий голос. В ответ собеседник звучно рыгнул и заворчал:

— Коли так, то пусть сам на него и охотится. Немного найдется людей, кто рискнет пойти по следу Великого Грона.

Собеседники замолчали. Некоторое время был слышен только треск угольев, потом послышался хруст сучьев, и на поляну вывалился еще один мужик. Шмякнувшись у костра, он протянул руки к огню и хрипло буркнул:

— Замерз.

Сиплый мужик, по-видимому являвшийся вожаком, недовольно спросил:

— Ты че приперся?

Тот отмахнулся:

— Да ладно, он явно вернулся или поехал по другой дороге. За это время оставшиеся две мили можно на пузе проползти, а этот сопляк говорит, что он ехал на лошади.

Грон задумался. То, что Алкаст, исчезнувший во время штурма Эллора, выплыл из небытия, лишний раз подтверждало, что ситуация начинает обостряться. Хотя, судя по тому, каких он набрал исполнителей, сомнительно, что его нападение непосредственно связано с планами Ордена. Эти тупицы вряд ли способны на большее, чем стянуть и прирезать крестьянского кабана. Похоже, их всего пять или шесть человек, не считая того хлипкого, но надо было проверить. Грон скользнул в темноту. К восходу луны он знал расположение всех семерых. Трое торчали в расщелине, выходящей на Пивиниеву дорогу, со взведенными арбалетами, двое и курьер сидели у костра, и оба их арбалета были разряжены, а один торчал с лошадьми на опушке рощицы у противоположного края лощины. Грон отполз к Хитрому Упряму, отдышался, в очередной раз уже привычно прокляв и пять зимних лун, и тяжелую последнюю четверть, потом проверил оружие и снова скользнул в темноту.

Первым делом он покончил с лошадиным сторожем. Это оказалось непросто. Он трижды замирал, дожидаясь, когда встревоженные лошади прекратят возбужденно фыркать и переступать ногами, пока подобрался на дистанцию броска ножа. Однако сторож, похоже, был полным валенком в лошадях, потому что, когда рослый жеребец попытался встревоженно куснуть его за

плечо, выругался и заехал ему кулаком по морде. За что и был наказан. Уж чего-чего, а попасть ножом в цель с десятка шагов Грон сумел бы даже после недельного поноса и с завязанными глазами. К тому же он решил не рисковать и метнул нож в грудь, а не в голову. Следующими были трое в расщелине. Однако когда Грон покончил с ними, его начало одолевает беспокойство. Он внимательно осмотрел арбалеты. Это были самоделки, причем слишком дрянные, чтобы из них можно было попасть в движущуюся мишень дальше чем на десяток шагов, да и то при большой удаче. Плечи луков были из недостаточно высушенного дерева, тетива из сырой бычьей кожи. По его мнению, эти грубые поделки скорее были предназначены для того, чтобы убедить самих стрелков, что они смогут что-то сделать, чем действительно представляли для него какую-то угрозу. Даже если бы он ехал по дороге, ничего не зная о засаде. Единственное, на что они были действительно годны,— это грозно выглядеть издали. Он внимательно осмотрел тела стрелков. Вряд ли они когда раньше занимались стрельбой. На руках не было характерных мозолей, да и пальцы были слишком грубые и закостенелые, чтобы суметь произвести мягкий спуск. С этой засадой явно было что-то не то. Он несколько минут напряженно размышлял, потом решил изменить свой первоначальный план. Вообще-то он намеревался просто выскочить к костру и скрутить всех троих, чтобы потом попытаться разговорить главаря и второго бандита. Поскольку с «хилым» он собирался потолковать попозже и гораздо подробнее. Но сейчас он пришел к мнению, что, пожалуй, не стоит долго торчать на свету.

Когда он подобрался к костру, оба бандита валялись на шкурах, а «хилый» старательно подкладывал хворост в костер. Пламя взметнулось слишком высоко, и вожак недовольно заорал:

— Ну ты, хиленьш, я тебе руки пообломаю, ты что, не видишь, люди спать улеглись? Ну-ка притуши костер!

Тот сглотнул и пробормотал:

— Я... боюсь темноты.

Вожак свирепо вскинулся:

— Тебе что сказано, гаденьш!

Грон подобрался. Этот парень явно знал что-то, что не было известно вожаку. Вожак тем временем засветил парню по щеке с такой силой, что тот повалился на траву и, ругаясь, начал вытаскивать из костра и тушить горящие головни. Через пару минут на поляне стало заметно темнее, и Грон решил, что время

пришло. Он с резким выдохом метнул два сюрикена и бросился вперед. На третьем шаге он засветил «хилому» кулаком по горлу (в отличие от удара ребром ладони, при таком ударе вероятность летального исхода существенно меньше) и, подхватив на плечо обмякшее тело, скорее не услышав, а почувствовав хлопок тетивы настоящего боевого арбалета, не останавливаясь, отпрянул в сторону. Влетев в чащу, он сбросил с плеча «хилого» и резко развернулся, привычно зажав пальцами сюрикены. Два бандита, громко вопя, отползали от костра, зажимая на ногах широкие порезы, сделанные сюрикенами, а у самого костра, на том самом месте, где он почувствовал хлопок тетивы, из пожухлой прошлогодней травы торчал кончик арбалетного болта, ушедшего в землю по самое оперение. Грон прикинул направление. Видимо, стреляли с дерева. Но сколько было стрелков? Он несколько мгновений раздумывал, а потом решил рискнуть. За прошедшее время первый стрелок никак не успел перезарядить арбалет, так что если их больше — второй будет вынужден выстрелить сразу. Грон выскочил на поляну и скользящим шагом двинулся к поскуливающим бандитам. Он шел, всей спиной ощущая напряженный враждебный взгляд. Бандиты ошарашенно и испуганно пялились на него. Когда, по его расчетам, стрелок должен был бы перезарядить свой арбалет, Грон слегка сдвинулся в сторону. Ему совсем не хотелось, чтобы стрелок, промазав по нему, попал в одного из бандитов. Наконец он дождался. Новый хлопок тетивы. Грон метнулся вбок и бросил взгляд в том направлении, откуда раздался звук. На фоне звездного неба четко отпечатался силуэт высокой ели. Грон кувырком выкатился с поляны и стремительно метнулся в чащу. Спустя несколько минут он был под елью. А еще через минуту стрелок, оказавшийся дюжим мужиком, — судя по наголо обритой голове, бывшим, а может, и настоящим редином, — мешком лежал у корней дерева.

Рассвет Грон встретил на поляне. Все четверо пленников, хорошо увязанные, молча смотрели, как он неторопливо уплетал найденные в одном из мешков лепешки и холодное вареное мясо. Когда Грон окончил трапезу и повернулся к ним, два бандита заерзали. Грон несколько минут молча рассматривал их всех, а потом негромко спросил:

— Ну? — подождал несколько мгновений, потом, лениво растягивая слова, произнес: — Я вижу, вы никогда не слышали, КАК я задаю вопросы. — Он сделал угрожающую паузу. — Что ж, кому-то из вас не повезет первым.

Бандиты, как он и предполагал, не выдержали. Оба торопливо, перебивая друг друга, заговорили, вываливая на Грона ворох практически бесполезной информации попеременно с мольбами и горячими заявлениями о том, что они-то совершенно не собирались делать Великому Грону ничего плохого, поскольку всю жизнь являются его горячими сторонниками. Наконец Грону это надоело. Он исподтишка посмотрел на «хилого», время от времени бросающего взгляды на презрительно улыбающегося «реддина» и, подобно ему, упрямо стискивающего губы. Грон понял, что добиться чего-то от «реддина» будет непросто. А он не собирался здесь надолго задерживаться, но если на примере «реддина» показать «хилаку», что происходит с особо упрямыми, то с ним уже разговор пойдет гораздо легче. Он вздохнул и буркнул:

— Хватит, заткнитесь,— повернулся к «реддину»: — А теперь я хочу узнать, что хочешь сказать мне ты?

Улыбка у «реддина» на лице помертвела, он уставился в глаза Грону и, видимо прочитав в его глазах свой приговор, гордо вскинул голову и произнес:

— Я умру, Измененный.

Грон усмехнулся, услышав из его уст столь четкое подтверждение того, что это покушение имеет отношение к Ордену, потом деланно тяжело вздохнул и ответил:

— Если бы ты знал, парень, как это для тебя будет мудрено.

Прошло три часа. Грон подъехал к курьерской заставе и, бросив поводья подбежавшему коноводу, жестом подозвал выскочившего на крыльцо командира десятка «ночных кошек». Указав на дорогу, он отрывисто приказал:

— Милях в восьми отсюда есть поворот. На самом повороте у левого склона — расщелина. Пошли пятерых. Там лежат четверо связанных. Один из них к вашему приезду, возможно, будет мертв. Но если он еще будет жив, постарайтесь с ним поаккуратней. Он знает много интересного.— И Грон спокойно закончил: — Всех доставить к лейтенанту Смурату.

Командир коротко кивнул и мгновенно исчез внутри домика заставы. Через несколько мгновений из дверей вылетели пятеро бойцов и, вспрыгнув на лошадей, на рысях выскочили за ворота. Грон усмехнулся. Да, видно, эти ребята, в отличие от него, не теряли времени зря. Он тряхнул головой и пошел к двери. На мгновение возникла мысль захватить «хилого» с собой, он так и не успел вытянуть из него все, что тот знал, но отбросил ее.

Конечно, Смурат это не Яг и не Слуй, но и он не даром ест свой хлеб, и потом Грону надо было торопиться. Судя по тому, что он уже успел узнать, нынешнее лето будет очень непростым. И многое зависело от того, что он успеет сделать, прежде чем схватка развернется в полную силу.

Спустя два часа Грон выехал из ворот на свежем коне, ведя в поводу Хитрого Упрянца и еще одного, заводного. До того как откроются все перевалы, оставалось еще около полулуны, и он намеревался успеть в крепость Горных Барсов не позднее чем через луну после Дня весеннего поцелуя, когда Мать-солнце и Отец-луна равняют свою власть и делают день равным ночи. А для этого надо было поторопиться.

Грон выехал из-за выступа скалы и придержал коня. Перед ним лежал Герлен. До крепости было еще около двух часов пути, но по сравнению с тем, сколько он уже проехал, это были уже семечки. Грон вздохнул полной грудью. Эллор был местом, где жила его семья, и там ему, конечно, было хорошо. Но именно здесь он чувствовал себя дома. В Атланторе. В крепости Горных Барсов, в Восточном и Западном бастионах, и особенно здесь, в Герлене. Грон глубоко вдохнул свежий, пахнущий морем воздух и тронул коня.

Оставшаяся за спиной дорога была достаточно тяжела, но бесполезна. С первого же привала он стал приводить себя в порядок, устраивая сначала трехминутные, а потом и более длительные спарринги с бойцами. Сначала он уставал даже от пятичасовой тряски в седле, но через пару дней уже вошел в ритм и спокойно проводил в седле по семь — десять часов в день. К исходу второй четверти они достигли Фарн, где его ждало сообщение, пришедшее по гелиографу за день до их прибытия, в котором говорилось, что начальник кузнечных цехов Угром просит Великого Грона прибыть в долину Баргот. Пришлось сделать крюк и заехать, куда просили.

Угром встретил его в воротах нового кузнечного цеха. Когда Грон спрыгнул с коня, Угром крепко облапил его, а потом, загадочно улыбаясь, поманил за собой:

— Пойдем, у меня для тебя сюрприз.

Он отпер дверь в небольшую комнату, служащую ему рабочим кабинетом. Грон невольно замер на пороге. У дальней стены на нескольких крючках висел полный доспех, состоящий из шлема с полуличинной, брамицы, кирасы и кольчужных рукавов со ста-

льными манжетами, стальных ножных щитков и кольчужной юбки. Угром гордо смотрел на него.

— Это седьмой вариант. В нем можно даже бороться. Уже пробовали.

Грон подошел поближе и придирчиво осмотрел поверхность, потом достал кинжал и попробовал острием прочность кольчужной сетки, а затем сильно ударил в грудь. Доспех отозвался густым глубоким звоном. Угром возбужденно пояснил:

— Бесплезно. Даже топор проникает только на палец. Самый страшный для него — прямой удар копьём на всем скаку, но обрати внимание на угол наклона передней пластины кирасы. Надо очень постараться, чтобы нанести прямой удар.

Грон кивнул:

— Молодец.— Он посмотрел на Угрома, в глазах которого прыгали хитрые чертики, и добавил: — Но, как мне кажется, это не все, чем ты собираешься меня сегодня удивить.

Угром довольно засмеялся:

— Ничего-то от тебя не скроешь, Грон.— И торжественно произнес: — Только в этом цеху я могу делать пять таких доспехов в день.

Грон удивленно посмотрел на него и попросил:

— Объясни.

Угром возбужденно замахал рукой:

— Пошли, сам увидишь.

Они вышли во двор и прошли к громаде кузни, прилепившейся к скале у искусно сложенной из каменных глыб плотины с водяным колесом, ось которого, представлявшая собой мореный четырехугольный брус со стороны почти в четыре ладони, проходила сквозь боковую стену цеха. Когда они вошли внутрь, Угром тут же направился к огромному сооружению, по виду напоминающему механический молот, но намного более громоздкому. Грон подошел ближе и понял, что это явно не молот. Баба «молота» была изрезана какими-то выемками и выступами, а формой он напоминал вытянутый прямоугольник. Угром придирчиво осмотрел сооружение, провел рукой по тускло блестящей наковальне, идеально ровной, но почти совпадающей с молотом по ширине и длине, и, повернувшись, поманил Грона за собой. Они отошли к дальней стене. Угром достал из кармана что-то напоминающее беруши и протянул Грону. Тот уже догадался, что сейчас произойдет, но решил не лишать Угрома момента триумфа. Они вставили беруши в уши, потом натянули

еще тугие меховые шапки с ушами и завязали их под подбородком. Наконец Угром с побледневшим лицом протянул руку и два раза ударил в колокол. Звона почти не было слышно, но по тому, что каменный пол под ногами стал слегка вибрировать, Грон понял, что рабочие открыли заслонку плотины. Угром еще больше побледнел и взялся за рычаг. Рывок. Грон, не отрываясь, смотрел на пуансон. Тот дрогнул, на мгновение как бы завис, потом рухнул вниз по направляющим, быстро набирая скорость. От удара стены цеха вздрогнули, а над полом пронесся вихрь пыли, выбитой из самых укромных уголков. К рухнувшему пуансону подбежали несколько рабочих и поймали цепи, сброшенные вниз с блока, прикрепленного к потолку. Сноровисто подцепив их крюками за угловые петли, рабочие отбежали назад. Угром потянул другой рычаг, и цепи начали медленно натягиваться, пуансон медленно и величаво пополз вверх. Они подошли к матрице. В ее углублениях лежали четко вырубленные заготовки для доспеха. Остатки металлического листа, который Грон и принял за наковальню, валялись на полу. Угром, уже сняв шапку и вытащив беруши, что-то возбужденно говорил Грону. Тот усмехнулся, сделал знак подождать и в свою очередь вытащил из ушей затычки. Бросив шапку с берушами какому-то рабочему, он спросил:

— Сами придумали?

— Пришлось, — усмехнулся Угром, — когда при первом испытании у половины рабочих кровь из ушей пошла.

Грон еще раз окинул взглядом сооружение.

— И сколько у нас таких установок?

— Пока одна, — оживленно заговорил Угром, — самое сложное было угадать с массой молота. Слишком легкий не вырубал детали, а слишком тяжелый — плющил и металлический лист, и наковальню. — Он с гордостью кивнул на пуансон, все еще медленно ползущий наверх: — Этот тоже плющит заготовки, но немного, так что получается еще иковка.

— И долго угадывали? — полюбопытствовал Грон.

Угром довольно засмеялся:

— Да, в общем, нет. Вообще-то это идея Улмира. Ты как-то рассказывал ему о штамповке, ну он и решил, что стоит попробовать приспособить это дело к производству доспехов. — Угром довольно захихикал. — Вообще, в этом его Университете довольно толковые ребята, так что молот они сразу сделали с возможностью изменения веса. — Он ткнул пальцем вверх: — Там есть

несколько штырей с гайками, на них просто надеваешь по одной металлические пластины и крепишь. Так что нужный вес подогнали довольно быстро.

Грон посмотрел на поднятый к потолку пуансон:

— Пожалуй, мне стоит заскочить в Университет. Интересно, что они там еще понапридумывали?

До Университета Грон добрался всего за четверть. Они подъехали к воротам на вечерней заре. Студенты уже оттрапезничали, и с внутреннего двора раздавался шум и веселый смех. Грон подъехал вплотную к створкам и, не слезая с коня, пнул сапогом в окованные бронзой ворота. Некоторое время ничего не происходило, потом из-за калитки раздался веселый голос:

— В такой поздний час добрые люди не ездят. Иди-ка ты дальше, странник. В деревне есть трактир, в нем вино, а подают его пухлые и добрые служанки. Что тебе делать ночью в сей обители науки, где угрюмые студенты все дни, а особенно ночи с голодной страстью грызут твердый камень науки?

Грон расхохотался:

— Открывай, угрюмый, мой желудок переварит любой камень. Да пошли за ректором. Пусть передадут, что приехал тот, перед кем так или иначе открываются все запоры в этой стране.

За калиткой раздался удивленный возглас, потом послышались торопливые шаги, чей-то голос придушенно-изумленно воскликнул:

— Понял! — И калитка медленно распахнулась.

Улмир встретил его на пороге учебного корпуса. Грон спрыгнул с коня и шагнул к другу. Они обнялись, потом Грон хлопнул его по плечу и весело сказал:

— Ну давай, вожак грозной стаи угрюмых студентов, рассказывай, что вы еще тут напридумывали.

Грон покинул Университет только через четверть. Он был слегка ошеломлен тем, насколько быстро питомцы Улмира впитывали и переваривали знания. Им пока не хватало фундаментальной базы, и он клятвенно пообещал Улмиру, что приложит все усилия, чтобы поскорее закончить давно обещанные Улмиру учебники по физике и математике. И сейчас ломал голову, прикидывая, как умудриться это сделать. А Улмир с жаром принялся за воплощение идеи, которой Грон собирался было в ближайшее время заняться лично. В его мире это называлось крекингом. Им предстояли морские бои, а есть ли у боевых кораблей, как и у всего, что изготовлено из дерева, более страшный враг, чем

огонь? Он рассчитывал развернуть производство зажигательных бомб для катапульт, но для этого ему было необходимо научиться выделять из местной нефти, которую здесь называли земляным маслом, верхние фракции. Врубившись в идею, Улмир заверил его, что через пару лун они уже смогут собрать первый вариант установки. И после того, что Грон увидел в Университете, у него не было причин не доверять заявлению его ректора.

В крепости Горных Барсов Грон задержался всего на полчетверти. Гагригд сделал уже шестой выпуск Академии, и Грон, по традиции, провел торжественную церемонию. В Корпусе все было в порядке. Одновременно с выпуском в дивизиях прошли торжественные прощания с ветеранами. Два года назад они приняли решение ограничить срок службы для рядовых и сержантов пятью годами, так что в некоторых местностях уже сформировались землячества ветеранов Корпуса. Финансовые дела также были в порядке. С тех пор как Грон внедрил доленое участие в реализации проектов двойного назначения, вроде того же гелиографа или организации книгопечатания, у дверей корпусного казначея всегда была очередь из купцов и Всадников, горящих желанием вложить денежки в задумки самого Великого Грона. У всех был перед глазами неслыханный успех сестрарха Фарн, разбогатевшего на доходах от гелиографа. И никому было невдомек, что тот согласился вложить деньги в эту безумную идею, когда кинжал Яга уже прорезал кожу на его яйцах.

Грон заменил в крепости Горных Барсов десяток эскорта и отправился дальше. Ребятам, проторчавшим полгода на вольных хлебах и в безопасности, надо было вновь дать почувствовать вкус боя. На лето Корпус почти в полном составе покидал зимние квартиры и уходил в лагерь, отряжая около половины своих воинов на патрулирование в степи. За последние пять лет очень много вольных земледельцев переселилось в степь, и распашанные земли простирались от предгорий уже почти на пять дней пути всадника. Степнякам это не нравилось, и они частенько устраивали мелкие стычки, но на большую войну пока не шли. Корпус научил их уважению к себе.

Грон оглянулся на следовавший за ним десяток и, дав шенкеля Хитрому Упряму, пустил коня легкой рысью. Десяток молча следовал за ним. Когда они съехали с горной дороги, ворота Герлена отворились и навстречу выехало около трех десятков воинов. С последнего поста гелиографа, который они миновали полчаса назад, передали, что Грон на подходе, и Яг, по совме-

стителству выполнявший обязанности командира гарнизона, выехал навстречу с почетным эскортом.

Они встретились в ста шагах от ворот. Некоторое время оба просто смотрели друг на друга, и Грон почувствовал, как на сердце разливается теплая волна. Как-то так получилось, что за последнее время они с Ягом сделались особенно близки. Сиборн, Дорн, Ливани и остальные были в отдалении, занимаясь важными делами или командуя войсками, и только Яг находился при Гроне неотлучно, постепенно становясь как бы его тенью, занимаясь самыми грязными делами, зная почти все его тайны и всегда вовремя подставляя Грону свое могучее плечо. Грон спрыгнул с коня и шагнул к спешившемуся Ягу. Они обнялись, и Яг прошептал ему на ухо:

— Добро пожаловать домой, Грон.— И оба знали, что это было правдой.

На следующий день Грон в сопровождении капитана Гамгора отправился на верфи. Первая встреча Грона и капитана произошла около пятнадцати лет назад. В год, когда Грон только появился в этом мире. Именно на его корабле он пытался уплыть с Тамариса и именно с ним принял свой первый морской бой. Грон уже почти забыл о том случае, как вдруг одним осенним вечером в ворота Герлена постучали несколько человек и сказали, что они хотят видеть Грона из Тамариса. Часовой недоуменно уставился на них, но с привычной четкостью доложил по команде. Информация быстро дошла до Яга, и он распорядился пропустить посетителей. Когда Грон вышел к ним, стоявший впереди несколько мгновений всматривался в его лицо, потом торжественно кивнул, и все прибывшие опустили перед Гроном на колени. Когда окончилась немая сцена и Грон поднял старшего с колен, тот гордо вскинул голову и торжественно произнес:

— Мы выполнили свое обещание, и теперь у каждого из нас есть сын, носящий одно из твоих имен. Мы счастливы, что ты жив, и готовы служить тебе по клятве рода.

Все они давно уже прошли «давяльный чан» и почти все стали капитанами боевых кораблей. А сам Гамгор второй год обучал команды тонкостям морского боя и был как бы заместителем Грона по флоту.

Верфи помещались в небольшой бухте, укрытой за мысом, отделявшим залив, в котором располагалась крепость Герлен. Бухта была со всех сторон окружена скалами. Так, что ее невозможно было увидеть ни со стороны моря, ни с суши. Когда

они въехали в кольцо скал и холмов, окружавших бухту, Грон невольно ахнул. Среди десятка небольших остовов юрких унирем, собранных на береговых стапелях, и полудюжины таких же, но почти законченных и болтающихся у самого берега, на дальнем конце ряда возвышался большой двухпалубный красавец с двумя мачтами, которые пока, правда, имитировали два длинных обрубка бревна.

— Ну как? — усмехнувшись, спросил Гамгор.

Грон покачал головой:

— Все как сговорились преподнести мне приятные сюрпризы.

Гамгор грустно усмехнулся:

— Все гораздо проще, Грон. В воздухе пахнет бурей, причем страшной, и все это чувствуют. Раньше мы бы просто попытались забиться поглубже в щель и переждать, пока грозу пронесет, молясь о том, чтобы нас поменьше зацепило. Но ты приучил Корпус и Атлантор к мысли, что можно побороть бурю. И все мы решили идти с тобой. А потому...— он улыбнулся и кивнул в сторону корабля,— мастер Смигарт, например, последнюю луну спал всего по два часа в день.

Они как раз подъехали к кораблю. Грон спрыгнул с седла, резво взбежал по перекинутым с земли мосткам на палубу и крепко стиснул в объятиях выскочившего из чрева корабля невысокого, сухого старичка, который и был тем самым мастером Смигартом.

— Спасибо, отец, не ожидал.

Старичок расплылся в дурацкой улыбке, а в его глазах сверкнули слезы.

Они облазили корабль снизу доверху. Смигарт, настороженно поблескивая глазами, виновато объяснял, что вот тут пришлось сдвинуть крепления мачты, а тут изменить число гребных мест, поскольку испытания на модели показали, что в противном случае «центральный корень» корабля, как они называли центр тяжести, оказывался слишком высоко. Грон торопливо кивал, а когда они выбрались наружу и спустились на песок, задал вопрос, все время вертевшийся у него на языке:

— За какое время вы строите один такой корабль?

Мастер Смигарт бросил испуганный взгляд на Грона и, смущенно потупившись, ответил:

— На этом корабле работают две бригады мастеров, которые мы используем для постройки одной униремы.— Он чуть помолчал и закончил: — И этот корабль мы почти закончили за

две луны.— Тут он виновато развел руками, но потом поспешно добавил: — Конечно, второй пойдет легче. Я думаю, уложимся в полторы луны.

Грон задумчиво потер подбородок:

— А унирему вы делаете чуть больше двух четвертей...— Он повернулся к Гамгору: — Мне нужно больше таких кораблей. Пусть бригады, которые заканчивают униремы, переходят на строительство этих кораблей.— Потом окинул взглядом сбежавшихся отовсюду мастеров и обратился к корабельному мастеру Смигарту:— Вы сотворили прекрасный корабль, уважаемый Смигарт, и я надеюсь, что вы предоставите мне возможность бросить в бой эскадру таких кораблей не позже чем через две луны.

Когда они возвращались в Герлен, Гамгор заметил:

— Похоже, в ближайшие две луны я не смогу отыскать на верфях ни одного спящего человека.

Весь вечер Грон просидел, зарывшись в карты, перечерченные с карт купцов и морских разбойников и сильно уточненные за последние три года экипажами унирем в тренировочных походах, а на следующий день снова вызвал Гамгора:

— Вот что, старина. Горгосцы и венеты попытались взять нас за горло.— Он бросил на Гамгора испытующий взгляд, но тот усмехнулся и кивнул:

— Экипажи докладывали после тренировочных рейдов, что у южного побережья не протолкнуться от горгосских триер. Да и здесь, на севере, их тоже хватает.

Грон кивнул в ответ и продолжил:

— Так вот, я хочу прощупать, каковы горгосцы на море, и для этого собираюсь вскоре сойтись с ними поближе. Мне нужен знающий капитан, чтобы попробовать, чего стоят в бою моряки, и заодно проверить на прочность горгосцев.— Он откинулся на спинку и закончил: — Твои выводы, адмирал?

У Гамгора весело блеснули глаза.

— Сколько унирем готовить к походу, командор?

Грон рассмеялся:

— Засиделся, морской волк.— И, добродушно махнув рукой, ответил: — Пять.

Когда Гамгор вышел на крепостной плац, по небу неслись низкие тяжелые тучи. Он несколько мгновений недоуменно разглядывал их, будто удивляясь, почему в такой день на небе не сияет солнышко, но потом, приглядевшись, понял, что тучи не-

сутся в сторону Горгоса. И это показалось ему добрым знаком. Капитан рассмеялся и двинулся к арсеналу.

Тревожный бой сигнального колокола всколыхнул Герлен за два часа до полудня. Грон высочил из кабинета, вслушался в сигнал, понял, что звонят «Угроза с моря», и окинул горизонт. Невооруженным взглядом никакой опасности видно не было, и это означало, что у гарнизона есть в запасе как минимум час. Грон хмыкнул. На суше уже давно никто не рисковал нападать на Корпус. Что ж, на море они еще не имели такого авторитета. Пока. Он повернулся и пошел в кабинет вооружаться.

Корабли показались через час после полудня. Они шли вдоль берега, и их было шестнадцать. К этому времени находившиеся в гавани семь унирем давно вышли за пределы бухты и маячили где-то у горизонта, дожидаясь момента, когда можно будет ударить в тыл, а на стенах и башнях застыли расчеты баллист и катапульт и воины с арбалетами. Корабли подошли ко входу в гавань и остановились. От флагмана отделилась шлюпка и поплыла к пирсам. С гребня стены Грон смотрел, как шлюпка скользит по ровному зеркалу воды, сегодня было необычайно тихо и безветренно, потом махнул рукой Ягу и двинулся вниз к воротам.

— Пошли, по-моему, эти ребята собираются только поговорить.

Яг заворчал:

— Тебе не стоит спускаться. Я и сам могу поговорить.

Грон усмехнулся:

— По всей видимости, они жаждут увидеть именно меня.

— Но твоя безопасность...

— Ты считаешь, что наши ребята, в случае чего, не успеют спустить тетиву раньше, чем они? Или что они смогут прирезать меня как барана?

Яг хмуро буркнул:

— Мало ли чего? — но замолчал и покорно двинулся следом.

Шлюпка уткнулась в пирс прямо напротив Грона. Из шлюпки высочил высокий молодой парень в живописном халате, обвешанный мечами, кинжалами и ножами, будто храмовая гетера медными побрякушками. Бросив по сторонам насмешливые взгляды, он небрежно поклонился и прокричал:

— Великий адмирал Тамор шлет привет Великому Грону и просит узнать, не соблаговолит ли Великий Грон встретиться с ним на предмет разговора, интересного для обеих сторон.

Грон несколько мгновений задумчиво рассматривал парня, потом повернулся и негромко приказал Ягу:

— Передай на корабли — пусть возвращаются.— Потом повернулся к посланцу и с легким поклоном произнес: — Передай Великому адмиралу Тамору, что Великий Грон просит его со всеми своими людьми быть его гостем.

Парень окинул его несколько удивленным взглядом, после чего недоверчиво и как-то по-простому, не так напыщенно и высокомерно, как первый раз, спросил:

— Ты, парень, у него самого-то спроси, а то вдруг...

Грон усмехнулся:

— Дело в том, что он сам тебе и ответил,— и неторопливо пошел к воротам.

Тамор почти не изменился, только слегка погрузнел, видимо от добротной пищи и малоподвижного образа жизни, хотя это, конечно, как посмотреть, да у висков начала пробиваться седина. После недолгого приглядывания друг к другу они опрокинули по кубку дожирского, бочонок которого Грон берег для особых случаев, и разговор пошел уже гораздо свободнее.

— Так что, как видишь, хоть я и не взлетел так высоко, как ты, но среди портовой швали тоже не остался.— Тамор освежил глотку добрым глотком дожирского и продолжил: — Погуляли мы знатно. В тот год венеты назначили за мою голову награду в тысячу золотых. А последние два года моя эскадра была личной эскадрой гологолового Сгномбе, Верховного жреца — правителя Хемта. Да будет ему пища камнями, а вино мочой.— Тамор сплюнул.— Больше сволочи я не встречал. Все его величие заключалось в том, что он отлично умел изображать каменного истукана от рассвета до заката, сидя на птицеголовом троне в центральном зале храма-дворца Четыре камня,— Тамор сделал паузу,— хотя платили они изрядно. Но сколько можно просто изображать из себя грозных вояк, а не заниматься делом?! И когда до наших краев докатились слухи о некоем Гроне, который солидно надрал задницу венетам и горгосцам, я вспомнил о тебе и решил, что парень, выросший в портовой гряде Тамариса, никак не может забыть о флоте. И, как видишь, не ошибся.— Он налил себе еще дожирского, залпом осушил кубок и улыбнулся.— Так что если тебе нужны хорошие корабли и отличные моряки, я в твоём распоряжении.

Грон откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. Он знал, что не примет предложение Тамора, но так просто отпускать

его не хотелось. Он чувствовал, что Тамор является именно тем, за кого себя выдает,— хорошим моряком и умелым адмиралом с богатым боевым опытом. А это было как раз то, чего ему сейчас не хватало. Но флот был частью Корпуса, и Грон твердо знал, что он ею и останется. Он некоторое время раздумывал, как поймать Тамора на крючок, потом решил рискнуть:

— Извини, Тамор, я готов взять тебя в учителя или, по старой дружбе, помочь тебе деньгами, но ни нанимать твою эскадру для разовых поручений, ни принимать ее на службу как часть моего флота я не буду. Все, кто служит в моем флоте,— члены Корпуса, и никого больше там не будет.— И он закончил деланно безразличным тоном: — Впрочем, если кто из твоих людей захочет поступить в Корпус, то вполне может попытаться после прохождения «давильного чана» стать моряком.

Тамор усмехнулся:

— Даже я?

Грон, не отводя взгляда от окна, едва заметно кивнул. На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина, потом Тамор шумно выдохнул:

— У меня шестнадцать галер и почти тысяча лихих ребят, а ты предлагаешь мне — МНЕ! — идти в гребцы или палубные матросы как какому-то рабу или безземельному. Я — Тамор! Знаешь ли ты, что означает это имя?

Грон посмотрел прямо в налившиеся кровью глаза. Несколько мгновений они бодались взглядами. Наконец Тамор скрипнул зубами и отвел глаза. Грон покачал головой:

— Тамор, Тамор.— Он вздохнул.— Сказать по правде, я хотел бы иметь тебя своим адмиралом, но... Пойми, пока ты не пройдешь то, через что прошел здесь любой, пока не проникнешься духом Корпуса, ты не сможешь ни командовать этими людьми, ни понять, что ты делаешь не так.

— Если ты помнишь, я держал в руках самых крутых головорезов Тамариса,— заявил Тамор.

Грон снова покачал головой:

— Не то. Каким образом ты делаешь накачку своим парням, когда посылаешь их в бой? Что-то вроде: вперед, там бабы, вино и золото?

Тамор, криво усмехаясь, смотрел на него. А Грон продолжил:

— А мои командиры говорят другое: ребята, мы — это Корпус. И это срабатывает не хуже твоего.

Тамор расхохотался:

— Ну-ну, прямо как у горгосцев: Магр смотрит на нас. Да они у тебя дубоголовые!

Грон усмехнулся и поднялся на ноги:

— Пойдем.

Они спустились на плац. Завернув за угол, прошли вдоль стены и, пройдя сквозь калитку в стене, вышли к большому стрельбищу. Тамор остановился и удивленно распахнул глаза. Вдоль стены на вкопанных в землю стволах мерно раскачивались на канатах нетесаные бревна. На них стояли воины с арбалетами в руках. Ближние были в легких одеждах, те, что чуть дальше, — в полных доспехах. Перед ними на различном расстоянии располагались разнообразные мишени. У ближних — большие круглые срезы деревьев с черным пятном в середине, у дальних — срезы поменьше от деревьев потоньше, а в дальнем конце двора шла череда вкопанных столбов, между которых, подобно стрелковым местам, раскачивались круглые диски размером едва больше ладони. В другом углу стрельбища на чудовищных опорах покачивались площадки, на которых были закреплены корабельные баллисты и катапульты. Воздух гудел от звуков спускаемых тетив и треска рычагов катапульт, ударяющихся об ограничители. Тамор заметил, что Грон, улыбаясь, смотрит на него, и захлопнул рот. Над стрельбищем пролетел хриплый сигнал рога, потом засвистели боцманские дудки и раздались голоса:

— Стой, прекратить стрельбу, собрать стрелы.

— Не хотите ли посмотреть, уважаемый? — спросил Грон.

Тамор коротко кивнул и быстрым шагом двинулся к мишеням. У неподвижных мишеней число стрел, воткнувшихся в цель и упавших на землю, было приблизительно равным, но там, где мишени раскачивались, они были утыканы арбалетными болтами гораздо гуще. Тамор с задумчивым видом вернулся к стене.

— Сколько у тебя кораблей?

— В строю сорок два. Но почти все сейчас в разгоне. Спущены на воду и имеют команды еще пятнадцать. Эти пока пошлепают по окрестностям, попробуют взять друг дружку на abordаж, и только через полгода я отпущу их куда подальше.

Тамор уважительно кивнул и, пожевав губами, осторожно спросил:

— А какой флот ты хочешь иметь?

— В той эскадре, которая будет базироваться здесь, будет кораблей двести — двести пятьдесят, а всего... — он пожал пле-

чами,— не знаю. Сколько будет нужно. Может, тысячу, может, пять тысяч, а может, всего пятьсот.

Тамор аж задохнулся, услышав такие цифры.

— И у тебя есть деньги на то, чтобы построить такой флот?

Грон усмехнулся:

— На пять тысяч пока нет. Но на сотню-другую кораблей хватит. Хочешь посмотреть корабли?

— Я уже видел. В гавани. Сказать по правде, они не производят особого впечатления. Борта низкие, мачта высоковата, тарана нет. Если бы не десяток воинов, я бы подумал, что это немного увеличенные ладьи морских разбойников. А те никогда не отходят от побережья дальше чем на день пути.

Грон хитро прищурился:

— Эти корабли предназначены не для того, чтобы производить впечатление, их цель — преподнести сюрпризы особо ретивым. Но есть еще другие. В бухте, за дальним молот.— Он повернулся и сделал знак рукой. Спустя некоторое время из-за поворота вылетела широкая добротная дорожная колесница, запряженная парой лошадей, и лихо подскочила к ним.

Через четверть часа Тамор стоял у блестящего свежей смолой борта корабля, восхищенно водя ладонью по ребристому боку, а рядом бормотал надувшийся от гордости корабельный мастер Смигарт:

— Стодвадцативесельная дирема. Две мачты, стальной таран, четыре баллисты и две катапульты. Двести восемьдесят человек команды. Берет на борт шесть тысяч стоунов груза.

Тамор расхохотался:

— Да ты можешь заделаться купцом, Грон, с такой-то загрузкой.— Он отбежал подальше, окинул корабль взглядом, потом повернулся к Грону: — А сколько он несет воинов?

— Ты же слышал — двести восемьдесят.

Тамор недоуменно уставился на него:

— Да, но гребцы-рабы...

Грон покачал головой:

— В моем флоте нет рабов. Каждый корабль несет две полные смены гребцов, два десятка стрелков с дальнобойными арбалетами, палубную команду и расчеты баллист и катапульт. Когда же начинается абордаж, в бою участвуют все.

Тамор некоторое время, прищурясь, рассматривал корабль, потом с сомнением протянул:

— Хитро придумано, но воинам грести...

— Зато он несет почти в три раза больше воинов, чем любой схожий по классу.

Тамор расхохотался:

— Да, он преподнесет большой сюрприз любому, кто рискнет отнестись к нему как к обычному кораблю, постой!— Тамор ошеломленно повернулся к Грону, — так эти твои маленькие униформы тоже... не имеют рабов?

Грон утвердительно кивнул. Тут уж Тамор заржал как сумасшедший:

— Представляю, какой сюрприз ждет тех, кто вздумает немного пожить! — Он задумался.— Слушай, но как они не опрокидываются при такой мачте?

— Это пока тайна Корпуса. Могу, правда, сказать, что эта тайна называется «шверт».

Они вернулись в кабинет Грона только к вечеру.

На следующий день Тамор собрал своих людей. Когда почти тысяча молодцов в пестрых одеждах, увешанных оружием и золотыми украшениями, столпилась у пирсов, вперив взгляд в своего могучего предводителя, Тамор одним махом вскочил на бочку, поставленную стоймя, и окинул своих воинов гордым взглядом.

— Эй, псы морей! Пять лет я водил вас в набег. Пять лет мы с вами брали на меч толстобрюхих купцов. Я начал это дело с одной галерой, а теперь у меня шестнадцать кораблей. На той галере нас было всего два десятка, сейчас нас почти тысяча мечей. Тогда мы были жалкими оборванцами, сейчас на ваших шеях блистают золотые цепи, а на пальцах перстни с драгоценными камнями. Любая портовая шлюха или дорогая гетера сочтет за честь принять у себя воина из стаи Тамора. И даже те, кто сложили головы в жарких схватках, были достойно приняты богами, ибо я никогда не скупился на обильную поминальную жертву их богам. И сегодня я хочу спросить вас — довольны ли вы своим адмиралом?

Над пирсами разнесся восторженный вопль, так что чайки, парившие над самой водой, испуганно прыгнули вверх. Когда крики немного поутихли, один из капитанов, старый седоусый Имфар, шагнул к Тамору и негромко спросил:

— К чему ты это говоришь, Тамор? Разве кто-то из нас когда-нибудь давал тебе повод усомниться в своей верности?

Тамор отрицательно качнул головой.

● Последняя
битва ●

ПРОЛОГ

— И сколько?

Дородный мужчина, одетый в роскошный венецкий халат, задумчиво почесал свою благообразную, окрашенную хной бороду и вновь принялся перебирать опаловые четки.

— Мой наниматель щедр как никогда. Он готов заплатить... два кошеля золота.

Его собеседник, дюжий лохматый мужик, одетый в не менее роскошный хитон и толстый плащ горгосской выделки, и то и другое изрядно засаленное, в свою очередь почесал бороду (правда, у него она была сизой и косматой) и задумчиво протянул:

— Ну-у, а кого пришить-то надо?

Венет на мгновение оставил четки в покое и, подавшись вперед, поманил собеседника толстыми, похожими на сосиски пальцами. Тот наклонился к нему и замер. Венет что-то прошептал ему на ухо. Косматый мужик отшатнулся и, вскочив на ноги, вдруг ухватил венета одной рукой за бороду, а другой занес над ним невесть откуда взявшийся нож.

— Что?! АХ ТЫ ТВАРЬ!!!

Венет, взвизгнув, опрокинулся на спину, болтая в воздухе толстыми ногами, обтянутыми по самые ляжки теплыми вязаными чулками. В этот момент гулко хлопнула тетива арбалета, косматый мужик вздрогнул и с глухим всхлипом повалился навзничь, не выпуская, однако, бороды и волоча за собой визжащего толстяка.

Когда подбежавшие слуги разжали наконец стиснутые предсмертной судорогой пальцы и венет, ловя воздух широко разинутым ртом, снова занял свое место на расстеленном ковре, перед ним рухнул на колени чернокожий гигант. Арбалет в его руках казался чем-то вроде детской игрушки. Венет заглотнул побольше воздуха, оттолкнул слуг и принялся пинать чернокожего арбалетчика своими жирными ногами, захлебываясь криком:

— Тварь... тварь... тварь! Этот урод меня чуть не убил! Я купил тебя, когда ты был черным шелудивым щенком, подарил тебе

счастье немоты, кормил и одевал тебя, заплатил сумасшедшие деньги, чтобы тебя обучили искусному обращению с этим богомерзким оружием, а ты...— Он еще раз дернул ногой, намереваясь пнуть гиганта жестким, расшитым золотом и жемчугом носком мягкой туфли, но зловердная туфля внезапно соскользнула с его пухлой ступни, и венет ткнулся со всей силы в каменное плечо гиганта большим пальцем. Он со стоном повалился на спину, хватаясь руками за злосчастную ногу.

— А-а-а... пойди прочь, а-а-а, как больно!

Чернокожий гигант, который перенес экзекуцию без каких-либо видимых последствий, вскочил на ноги и, схватив арбалет, потрусил в сторону роскошного алого с золотом полога, в самой середине которого зияла дыра, оставленная арбалетным болтом.

— У-и, нет, сын шакала, совсем уходи! Пошел на двор!

Чернокожий вздрогнул, втянул голову в плечи (казалось, будь у него хвост, он бы непременно его поджал) и потащился к выходу.

После того как гигантская понурая фигура исчезла за сомкнувшимися занавесями, венет еще какое-то время бушевал, опрокидывая легкую низкую мебель и пиная подушки. Но мало-помалу его возбуждение улеглось, и он, пару раз пнув здоровой ногой очередную подушку, обессиленно опустился на ковер, а затем и вовсе улегся, уютно устроившись среди мягких подушек в самой середине длинноворсового венетского ковра. Возлеги, венет еще несколько мгновений сердито хмурился, но затем скорбная складка на верхней части его упитанного лица (которую вряд ли можно было обозвать низменным словом «лоб») разгладилась, веки слегка смежились, превратив гневно блестящие выпученные глазные яблоки в маслянисто поблескивающие оливочки, венет умиротворенно вздохнул и с блаженной улыбкой шумно выпустил газы из предназначенного для этого богами места.

— Исмил, эй, Исмил! Поди сюда.

Занавеси, за которыми минуту назад скрылся изгнанный гигант, запахнулись, и в комнату, семена, влетел карлик с лисьим лицом. Он ловко приземлился на подушки рядом с хозяином таким образом, что тому вполне могло показаться, будто слуга рухнул перед ним на колени, хотя на самом деле приземление было намного более плавным и мягким.

— Слушаю, мой господин!

— Макхум с тобой?

Карлик тут же извлек из-под полы халата объемистую табакерку или, скорее, небольшую шкатулку с закругленными углами. Венет удовлетворенно крикнул, выудил из-за пазухи тон-

кую цепочку с ключиком, открыл маленький замочек и, запустив внутрь шкатулки свою пухлую длань, старательно набил ноздри мелким серым порошком. Втянув воздух, он на мгновение замер, затем разинул свой немаленький рот и... оглушительно чихнул, одновременно снова выпустив воздух длинной звучной руладой.

— О-о-ф-ф, хор-р-рошо!

Венет вытер рукавом выступившие от удовольствия слезы и, повернувшись к карлику, произнес:

— Воистину, Исмил, макхум есть дар самого Фанера. Если бы не макхум, даже не представляю, как бы я смог выносить тупость людей! Подумать только, я предлагал этому уроду два кошеля, туго набитых полновесными золотыми монетами. А он...— Венет возмущенно вздернул бороду и закатил глаза.— Нет, положительно люди сошли с ума.

Карлик кашлянул:

— Дозволено ли мне будет говорить, о светоч моего сердца?

Венет, собиравшийся сказать что-то еще очень значительное, поморщился и бросил недовольный взгляд на карлика, замершего в униженной позе. Однако в хитрых глазах слуги было нечто такое, что побудило хозяина высокомерно кивнуть:

— Ну!

— Мне кажется, мой господин,— вкрадчиво начал карлик,— нам следует подумать над тем, не стоит ли увеличить размер вознаграждения. Не зря же тот высокочтимый господин, который умолил вас взяться за это нелегкое дело, передал в вашу казну целых пятьдесят кошелеев золота. И, насколько я, недостойный, сумел понять его речи, это было всего лишь первым взносом.

Венет нахмурился:

— Какой же ты болван, Исмил! Я как-никак понес страшные убытки, когда бросил свои дела и помчался выполнять просьбу уважаемого Гнерга. Даже сотня кошелеев с золотом не сможет мне возместить все потери. Лишь из природного добросердечия и уважения к достойному Гнергу я согласился выполнить его просьбу.

Это заявление, мягко говоря, не соответствовало истинному положению дел. Но Исмил прожил рядом с хозяином достаточно долго, чтобы понимать, что высказывать возражения (тем более ЕМУ) не имеет смысла.

— К тому же,— продолжал между тем венет,— нет на свете человека, чья жизнь стоила бы больше двух кошелеев золотых. Даже если это жизнь базиллисы...

Часть I

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ ЗА СПИНОЙ

1

Сегодня Клунг поднялся еще затемно. Вообще-то он вставал рано всегда. Рабы-хермы, ухаживавшие за священным оазисом, и послушники, отряженные жрецом-распорядителем на скотные работы, частенько могли видеть, как сутулая, долговязая фигура Рта Сха, шаркая ногами, неторопливо ковыляет через темный колодец внутреннего двора, в который еще не проникли скудные лучи восходящего светила. Впрочем, в этом затерянном в песках огромном храме, скорее напоминавшем город, чем отдельное, хотя и очень большое здание, мало кто обращал внимание на что-то, не относящееся к его непосредственным обязанностям. Служение Сха, великому и мудрому Отцу-змее, не терпит суеты (как, впрочем, и нерасторопности тоже). Так что когда кто-то замечал согбенную фигуру в черном балахоне, то просто равнодушно отводил глаза. Все на этом свете одинаково ничтожно пред божественным ликом Сха. Что сам Рот Сха, что последний херм-золотарь. Их жизнь и смерть, страдание и благоденствие в Его руках. Как угадать, кто счастливее — блистательный фстрат, повелитель богатой провинции, или херм-лопата, если первый каждую ночь ворочается в своей роскошной постели, в страхе прислушиваясь, не раздастся ли под окнами топот копыт гонца, примчавшегося из сердца Хемта — великолепного Фив-несса — с намотанным на руку золоченым витым шнурком-удавкой, а второй, наломавшись за день и набив брюхо пареной перловой крупой с золой вместо соли, спит без задних ног на своей драной подстилке?

Однако обычно ранний подъем Клунга был вызван тем, что его старые кости к утру начинали ныть, словно ощущая и здесь, в самом сердце иссохшей пустыни, неизбывную предутреннюю сырость, бывшую столь привычной в далекие времена его слу-

жения в Горном храме. Тот храм был вырублен в скальном массиве под водопадом. Столь необычное расположение было вызвано тем, что храм тот одновременно служил и местом, куда весь год, до прихода каравана из Фивнесса, свозилась добыча из окрестных золотых рудников. Так что сырости там хватало. И, судя по всему, за те пятнадцать лет, что он служил в Горном храме, она успела настолько пропитать все поры его тела, что теперь каждое утро, примерно за час до рассвета, он поднимался и, не вызывая послушника, собственноручно растапливал жаровню. А затем усаживался над углями, придвинув поближе распухшие от артрита колени и улавливая жар растопыренными пальцами.

Но сегодня у Рта Сха была более веская причина подняться пораньше. Предстоял особенный день. Вчера приехали гости, которых он давно ждал. Они прибыли в храм еще днем, около полудня. Но долгое путешествие через пустыню утомительно даже для человека, привычного к местному климату. Что уж говорить о гостях, прибывших из такого далека. Поэтому Клунг не стал назначать встречу в день прибытия, а послал сообщение, что Рот Сха примет гостей завтра, сразу после утреннего Возглашения Величия. Так что нынешний утренний подъем не имел никакого отношения к ноющим суставам (во всяком случае, Клунгу очень хотелось так думать).

Сегодняшнее утро Рта Сха началось с парной бани. Целый час он сидел в плотном кожаном мешке, в который по длинному медному колену поступал ароматный пар из котла, наполненного ключевой водой, редкими травами, толченым янтарем и серебряными монетами. После парной телом господина занялся толстый евнух с сильными руками. Когда он закончил, преподобный Клунг чувствовал себя словно петрушка в салате. Еще и от того количества оливкового масла, которое евнух-массажист не просто втер, а прямо-таки вбил в его кожу. Затем последовала маска из целебной глины, педикюр и облачение. Уже месяц как было объявлено, что в один из дней Перевала лета Рот Сха лично отслужит одно из Возглашений Величия Сха. Поэтому за глинобитными внешними стенами Храма вот уже полторы луны скапливались паломники. К настоящему моменту в палаточном лагере их уже было более восьми тысяч душ. А вчера утром, когда высланный навстречу гостям разъезд храмовой стражи принес весть, что к полудню гости достигнут пределов Храма, Старшим глашатаем было объявлено, что Рот Сха избрал для личной службы следующее утреннее Возглашение.

Когда Хранитель облачений опустил на чело Клунга массивный золотой обруч с изображением вздыбленного Отца надо лбом, Рот Сха повернулся к полированной бронзовой пластине, вделанной в стену рядом с аркой двери, окинул себя придирчивым взглядом и удовлетворенно кивнул. Парадное облачение Рта Сха весило в общей сложности почти сорок стоунов, и вынести в нем трехчасовую службу было бы нелегкой задачей даже для молодого и здорового человека. Но Клунгу было важно показать гостям, что он еще вполне в силе. Просто высокий пост, для того чтобы вести разговор на равных (а именно так он и собирался вести разговор), в его глазах ничего не значил. Необходимо было и виртуозное владение искусством интриги (без чего, как все понимали, невозможно было подняться до столь высокого поста в иерархии Сха), и достаточное физическое здоровье. Поскольку затеваемая интрига, с одной стороны, должна была занять довольно длительное время, а с другой — иметь крайне ограниченный круг посвященных, обе стороны должны были иметь основания надеяться, что влияние случайностей, связанных со здоровьем этих посвященных, будет сведено к минимуму. И сейчас, после столь длительной и сложной подготовки, Клунг чувствовал себя в силах провести утреннее Возглашение таким образом, чтобы у гостей (которые, естественно, были приглашены на службу) не осталось никаких сомнений в его отличных физических кондициях. Жрец еще раз придирчиво окинул взглядом свое отражение и величественно кивнул. Старший распорядитель, уже половину боя переминавшийся с ноги на ногу в проеме двери, торопливо обернулся и махнул церемониальным платком. По этому знаку на хорах Храма гулко заревели рога, а церемониальные служки загремели трещотками, этим божественным звуком возглашая появление пусть и не самого Отца (он-то, наверное, смог бы объявить о себе и без помощи погремушек, вытесанных из благородного нефрита), но уж во всяком случае лица, ближайшего к Нему. Рот Сха выждал еще мгновение и шагнул вперед, совершенно не почувствовав своих больных суставов. Да, пожалуй, несмотря на тщательно культивируемую среди иерархов и послушников легенду о скромности и безыскусности жития Рта Сха стоит подумать над тем, чтобы почаще отдавать свое тело в умелые руки этого евнуха...

Трапезу накрыли в Приделе водяных змей. Гостей провели северной колоннадой, а сам Клунг, сбросив тяжелое облачение, к концу службы уже ощутимо клонившее его к земле, и совершив

скорое омовение, добрался до Придела по подземной галерее. Он должен был появиться перед гостями уже умытый и по-прежнему свежий, запоздав лишь слегка и продемонстрировав тем самым, что долгая трехчасовая служба не слишком его утомила.

Когда он неторопливым, но по-молодому упругим (несмотря на гудящие ноги) шагом вошел в Придел, гости еще омывали руки в поднесенных каждому из них золоченых чашах с водой, ароматизированной мускусной эссенцией. Клунг поднял обе руки в традиционном приветствии, характерном для местности, из которой прибыли гости, а те склонили головы, прижав обе ладони к левой стороне груди, как это было принято среди народа Хемта. Клунг помедлил мгновение и заговорил торжественным голосом:

— Я рад, что вы откликнулись на мое приглашение и доставили себе труд совершить столь долгое и многотрудное путешествие, дабы выслушать мои скромные предложения.

Старший из присутствующих согласно наклонил голову.

— Мы счастливы видеть и внимать Рту Сха, известному своей мудростью далеко за пределами Хемта.

Оба едва заметно скривили губы в намеке на улыбку, как бы показывая, что воспринимают эти фразы всего лишь как формальность, пусть и обязательную. После чего Клунг сделал радушный жест в сторону накрытого стола и, сделав шаг вперед, опустил свой сухопарый зад на приготовленное для него место...

Первые полчаса беседа вертелась вокруг довольно безобидных тем. Младший из гостей оказался неплохим знатоком фалеристики. Так что жрец получил немалое удовольствие, подробно обсудив с ним тонкости изменений в изображении грифа на нагрудной бляхе горгосского центора от эпохи Гнарга I до падения Горгоса. Впрочем, Клунгу было понятно, что подобный выбор сопровождающего в первую очередь имел целью показать ему, что, несмотря на тяжкие удары, полученные Орденом от Измененного, его силы и умения отнюдь не утеряны...

Спустя полтора часа, когда гости отдали должное изысканным блюдам и слуги, внеся кувшины с легким вином и подносы со сладостями, наконец оставили их одних, жрец решил, что настало время для серьезного разговора.

— Не соблаговолит ли мой уважаемый гость сообщить мне, что думают в Ордене по поводу Корпусных школ?

Губы старшего из гостей тронула легкая улыбка.

— Мы предполагали, что ваша обеспокоенность вызвана в основном деятельностью Измененного именно в этом направлении. Поэтому я готов со всей ответственностью заявить, что Орден полностью разделяет вашу тревогу.— Гость сделал паузу, многозначительно глядя на собеседника.— Семнадцать лет назад, когда Измененный только разворачивал свою деятельность в этом направлении, мы уже пытались обратить внимание многих на всю опасность его попыток, но нас мало кто послушал. И вот время показало, что наши предостережения имели достаточные основания.

Клунг согласно наклонил голову:

— Да, вы правы. Многие совершили эту ошибку. Я и сам тогда не был склонен придавать слишком большое значение этому требованию Измененного. Конечно, в то время от меня мало что зависело, но, должен признать, позиция нашего прежнего Верховного, считавшего эту уступку неожиданно легким способом избежать вторжения Корпуса, полностью соответствовала моему пониманию ситуации.

Гость кивнул уважительно-понимающе, как бы показывая, что оценил откровенность собеседника.

— Увы, в то время подобной позиции придерживалось большинство из тех, к кому мы обратились за поддержкой. Но сейчас, я думаю, вам стало более понятно наше стремление ограничить распространение того, что мы называем «грязным знанием».

Клунг с трудом сдержал ехидную усмешку. Ну конечно, вот только если бы Орден еще не присвоил себе право самолично определять, что причислять к «грязному знанию», а что нет. Один из его предшественников на посту Рта Сха был удушен убийцами Ордена именно за покровительство тому, что Орден посчитал «грязным знанием». И если бы те времена благодаря Измененному (вот ведь какой парадокс) не канули в прошлое, никому в Ордене не пришлось бы в голову отправлять в Храм представительную делегацию по первому же зову Клунга. Поэтому жрец не удержался от легкой шпильки:

— Увы, тогда еще мы были не столь полно знакомы с опытом и мудростью Ордена, как, скажем, жрецы Магр...

Гость усмехнулся, показав, что намек понят, а хозяин между тем продолжал:

— Так вот, сегодня мы вынуждены признать, что предостережения Ордена по поводу Корпусных школ имели под собой все основания. И в настоящее время мы полностью разделяем мнение

Ордена, что с этими школами надо что-то делать.— Тут Клунг дал волю эмоциям: — Эти мерзкие гнездовья греха и вольномыслия растлевают неокрепшие детские души, отвращают наследников самых влиятельных родов от веры и благолепия предков, сеют смуту в молодых умах. Ни одно вражеское войско не смогло бы нанести большего вреда нашему народу, чем эти... эти...— Рот Сха задохнулся от возмущения и умолк.

На некоторое время в зале воцарилась напряженная тишина. Рот Сха был занят тем, что приводил в порядок свое возбужденное дыхание и мысли, а гости просто держали паузу. Наконец Клунгу удалось с собой справиться и его лицо вновь приняло невозмутимое выражение. Старший их гостей взял бокал с вином, неторопливо сделал большой глоток и, повернувшись к жрецу, вкрадчиво произнес:

— Что ж, я рад, что теперь наши позиции совпадают. Однако мне бы хотелось услышать, чем, по вашему мнению, Орден может помочь вам в решении столь благородной задачи. По-моему, у высших иерархов Сха есть все необходимые силы и авторитет для того, чтобы полностью выжечь скверну в землях, подвластных руке Сха.

Клунг чуть вздернул верхнюю губу (мысленно кляня себя за нервный срыв, который изрядно подпортил его реноме в глазах гостей) и степенно ответил:

— Это так. Более того, что касается опасности, которую представляют Корпусные школы для нашего народа, то тут мы единодушны как никогда. Но,— тут он позволил себе слегка опустить уголки губ в намеке на горестную улыбку,— причина, по которой прежний Верховный жрец согласился с требованиями нечестивого Грона (это имя он произнес так, словно выплюнул), никуда не исчезла. Поэтому, если мы попытаемся очистить нашу землю от этой скверны, последствия сего угодного богам поступка будут ужасающими.

Гость понимающе кивнул. За прошедшее время слава Корпуса достигла самых дальних уголков Ооконы. Его тяжелые мечи и длинные пики успели испробовать на прочность щиты армий всех племен и народов, о которых было известно географам Ооконы, да в придачу еще и доброй сотни тех, о существовании которых они прежде и не подозревали. И всем было памятно то, что сделал Корпус с Ситаккой, жители которой, подстрекаемые местными жрецами, разгромили две из трех Корпусных школ, находившихся на острове.

— Что ж, я вполне разделяю ваши опасения. Но мне пока сложно догадаться, каким образом Орден может помочь вам решить эту проблему.

Уголки губ Клунга дернулись в легкой иронической улыбке:

— У Ордена есть возможности это сделать. Достаточно вспомнить, что в рядах этого нечестивого воинства всего лишь около пятидесяти тысяч копий. И если, скажем, бунты черни, подобные тому, что произошел на Ситакке, вспыхнут сразу в нескольких местах, то у Корпуса просто не хватит сил...— Клунг замолчал, однако его красноречивый взгляд показал старшему из гостей, что он мог бы продолжать, но из уважения к присутствующим ограничится многозначительным молчанием.

Впрочем, продолжение лежало на поверхности. Скоординированные по времени выступления в разных концах Ооконы показали бы Грону, что за всеми этими бунтами торчат уши той могущественной организации, с которой он так долго и в общем-то успешно сражается в этом мире. А значит, основной удар Корпуса пришелся бы по землям, простирающимся далеко от тех, что находятся под благословенной властью Сха.

Губы старшего гостя сложились в ответную улыбку.

— Возможно, вы правы. Хотя Орден и ослаблен преследованиями Измененного, мы все же располагаем достаточными силами, чтобы обеспечить нечто подобное. Но все дело в том, что подобные действия всегда рассматривались нами в качестве одного из этапов более глобального плана, направленного на полную очистку нашего мира от скверны, занесенной Измененным. А мы пока еще не готовы к полному и всеобъемлющему осуществлению этого плана. Так что...— Гость развел руками, словно извиняясь.

Клунг недовольно дернул ногой, правда, еле заметно. Ну естественно, он и не сомневался, что у Ордена существуют планы по поводу того, как вернуть себе былое влияние в Ооконе. Но он и не подумает способствовать реализации этих планов. Конечно, терпеть эти богомерзкие Корпусные школы дальше нет совершенно никаких сил, ибо они подрывают самое основание цивилизации. Но если платой за их разрушение станет восстановление былой власти Ордена, то... он лучше потерпит школы. Потому что в ином случае он будет каждый вечер укладываться на ложе без всякой надежды вновь увидеть рассвет. Поэтому было жизненно необходимо убедить гостей действовать немедленно.

— Возможно, это не самая разумная мысль.

Гость с деланным недоумением вскинул бровь:

— Вы сомневаетесь в мудрости Хранителей Ордена?

На лице Клунга изобразилось сложное выражение, в котором можно было прочесть и сарказм, и сочувствие, и иронию.

— Я ничуть не сомневаюсь в том, что Орден возглавляют ныне весьма достойные люди, но... Мудрость Хранителей (он нарочито выделил эти два слова, поскольку предполагалось, что Рот Сха никоим образом не должен был знать внутреннее название библиотеки Острова) ныне покоится на морском дне...— Клунг мгновение помедлил, стараясь придать своему молчанию максимальную многозначительность.— И... разве тех, кто не покладая рук трудится ради восстановления величия Ордена, не беспокоит мысль, что Измененный может просто не дать им времени закончить эти труды. Почему бы вам не воспользоваться ситуацией и не принять помощь тех, кто готов стать вашим союзником, уже сейчас, не дожидаясь, пока до Измененного дойдут странные слухи и он решит вновь обрушиться на Орден?

Клунг замолчал и демонстративно приник к кубку с чрезвычайно редким в этих краях дожирским вином. Гость некоторое время сидел, задумчиво глядя перед собой, затем повернулся к увлеченному вином жрецу:

— И вы готовы принять участие в убеждении... нерешительных?

Клунг сурово сжал губы:

— Среди служителей Сха нет нерешительных. А что касается остальных... то до меня дошли слухи, что служители Фанера и его жен тоже озабочены деятельностью Корпусных школ в Венетии. Тамарис тоже на грани волнений. Так что не думаю, чтобы для убеждения имеющих власть в иных местах, еще не подвергнувшихся разлагающему влиянию Измененного настолько глубоко, как Элития, потребовалось бы приложить так уж много усилий.

Гость кивнул:

— Но вы понимаете, что устранение этой скверны будет лишь началом... партии, причем следующий ход сделает Измененный?

Рот Сха мысленно усмехнулся. Похоже, окунь заглотнул наживку.

— Несомненно... несомненно... Но все дело в том, что никто не собирается оказывать Корпусу серьезного вооруженного сопротивления. Во всяком случае, у НАС дело обстоит именно так. Пусть даже Корпус войдет в Сетх. Пусть Измененный потребует репараций. Верховный готов выплатить любые, самые неразумные репарации и даже изрядно уменьшить армию. Это и к лучшему. Когда чернь наконец поймет, КТО главный виновник их голода и нищеты, у нас окажется недостаточно сил, чтобы сдерживать голодные бунты и оградить учителей вновь

отстроенных школ (а я не собираюсь мешать Измененному их отстраивать) и небольшие гарнизоны, оставленные для их защиты, от лавины оголодавших и жаждущих мести простолюдинов. Многие из которых, несомненно, окажутся обученными солдатами, выброшенными из армии после сокращений.

Гость несколько мгновений молчал, размышляя над сказанным, затем восхищенно цокнул языком:

— Воистину мудрость служителей Сха не знает границ. Недаром среди большинства цивилизованных народов Отец-змея является символом разума. Я немедленно доведу до Хранителей ваши мудрые мысли...

На следующее утро гости Рта Сха тронулись в обратный путь. Когда мрачная громада Храма скрылась за волнистой линией горизонта, старший повернулся к своему младшему товарищу и, скривив губы в насмешливой улыбке, презрительно произнес:

— Теперь ты понял, Играманик, в чем заключается величие Ордена? Мы готовы были выступить еще два года назад. Но тогда мы оказались бы одни, а те, кто сейчас умолял нас стать союзниками, со злорадством наблюдали бы, как Измененный гоняется за остатками Ордена, будто стая гончих за лисой. Так что мы набрались терпения и попытались вложить в головы этих тупоумных прислужников каменных идолов наши собственные мысли... ну, и слегка подтолкнуть Грона к активным действиям.— Он хохотнул.— Нет, ты вспомни, с каким апломбом этот мелкий служка окраинного божка излагал передо мной мои же собственные идеи! — Старший бросил быстрый взгляд через плечо, проверяя, не услышали ли чего подозрительные храмовые стражники, составляющие их охрану и почетный эскорт, и, понизив голос, добавил: — Так что теперь первый удар Измененного обрушится именно на них. А уж мы постараемся этим воспользоваться...

2

— Команда-а-а, разой-дись!

Четкий строй слегка вздрогнул и потерял свою безупречную четкость. И сразу стало видно, что стоящие в строю люди никакие не военные. Одеты они были довольно разношерстно: одни — в короткие туники, другие — в принятые среди горцев Атланта бешметы и жилеты, а кое-кто щеголял в горгосских и венецких нарядах. У большинства за плечами висели туго набитые мешки,

когда-то, вероятно, выглядевшие абсолютно одинаковыми, но с тех пор успевшие изрядно пообтрепаться и обрасти разноцветными заплатами и шрамами грубой штетки, а у ног некоторых стояли слегка пооббитые морские рундучки. Впрочем, пока эти люди стояли в строю, вся эта разношерстность совершенно не резала глаз, ее затмевала четкость линий коротко остриженных затылков, вскинутых подбородков и разведенных на строго выверенное расстояние носков.

Хотя отданная команда предписывала разойтись, большинство людей остались на своих местах, только развернулись друг к дружке. Кое-где вспыхнул разговор, кто-то достал кисеты с «чихальником», кто-то — фляги. Этим людей связывало слишком многое, чтобы вот так сразу выкинуть последние пять лет своей жизни и разбежаться в разные стороны. Корпус дал им очень многое: силу, уверенность в себе, гордость, а некоторым и шанс начать жизнь сначала. Недаром в Корпусе было очень много людей, которые после «давильного чана» меняли свои имена на прозвища. Как видно, имена эти стоили того, чтобы их навсегда забыть. Но дело было не только в этом. Корпус... это было что-то особенное, эта была жизнь. Жизнь трудная, наполненная свистом стрел, многосуточными маршами, тяжелой работой, но жизнь, в которой каждый из них мог быть полностью уверен в том, кто с ним рядом, в том, кто стоит с ним спина к спине. Бывший раб или портовый нищий, которые раньше, заслышав свист бича надсмотрщика или топот портовой стражи, тут же спешили забиться в самую узкую щель, моля всех известных богов, чтобы на этот раз беда обрушилась на кого-то другого, только не на него, теперь, спустя пять лет, знали, что есть на свете люди, с которыми они примут все — и бич, и меч врага, и мор... потому что: «Мы заботимся о Корпусе, Корпус заботится о нас».

— Ба-а-а, никак Кремень?

Крепкий невысокий мужчина со слегка кривоватыми ногами и ежиком седоватых волос обернулся на голос:

— А, это ты, Булыжник... Давненько не виделись.

Подошедший ухмыльнулся:

— Да почитай с самого «давильного чана». А ты, я вижу, до сержанта дослужился.— Он показал кивком на пятно на левом плече, своей формой напоминавшее сержантский шеврон. Пятно явственно выделялось своей яркостью на выгоревшем фоне.

Тот, кого называли Кремнем, усмехнулся в ответ:

— Ты, я гляжу, тоже.— И он кивнул на точно такое же пятно на левой стороне груди товарища; такое расположение показы-

вало, что обладатель сержантского шеврона служил во флоте.— Ты тоже в этой партии? И как, уже надумал, куда двинуть?

Бульжник вытянул губы трубочкой, отчего его лицо приняло задумчиво-лукавое выражение:

— Кто знает, кто знает...— Он помедлил.— Ты как, все еще со зверем?

Кремень помрачнел и несколько секунд стоял молча, видимо вспоминая что-то неприятное, потом вновь поднял глаза на собеседника:

— И да, и нет. Коготь... его зарубили. Но я выдрессировал щенка из его последнего помета. Его зовут Джуг.

Бульжник удовлетворенно кивнул:

— Я на это надеялся.

Кремень нахмурился, но служба в Корпусе в первую очередь приучает к сдержанности, поэтому он нарочито ленивым движением потянулся к висящему на поясе кесету с размятыми сушеными листьями «чихальника», захватил горсть, неторопливо скатал шарик, засунул в левую ноздрю, втянул воздух, на мгновение замер... и оглушительно чихнул. Бывший сержант Бульжник наблюдал за его манипуляциями с кривой усмешкой.

— Ну что, так и будем стоять? Или все-таки пойдем пропустим по кружечке? — наконец выдал из себя Кремень.

Бульжник рассмеялся:

— Когда это сержант-ветеран отказывался от доброго пойла?

Таверна «Рыбий коготь» ничем не отличалась от таких же таверн, частой сетью облепивших порты и рыночные площади— закопченный потолок, длинные столы с лавками вдоль стен, очаг с вертелом и короткая стойка для тех, кто зашел лишь пропустить стаканчик-другой. Только она была немного почище, лавки и столы были покрыты кое-какой резьбой, а стоявшие на стойке стаканы и кружки выглядели (в отличие от большинства таких же заведений, где подобные предметы использовались до тех пор, пока не протирались до дыр) почти новыми. Два ветерана уселись у дальней стены. Не успели они опустить на лавки свои сухопарые зады, как у стойки возникла упитанная служанка с симпатичными ямочками на щеках:

— Что пожелают господа сержанты?

Бульжник довольно хмыкнул:

— Где ты так научилась разбираться в воинских званиях, красавица?

Та польщенно хмыкнула:

— Тоже мне наука. Да в наш порт каждый год приходят маршевые команды уволенных из Корпуса. Да и хозяин наш тоже

из ваших. Так что здесь любому ветерану всегда ставят одну бесплатную кружку солодового хмеля.

Тут Бульжник с размаху засветил себе ладонью по лбу:

— О темная Магр, мне же рассказывали о таверне старого Пагрима. Так ведь зовут вашего хозяина?

— Ну да.— Служанка кивнула.

— В таком случае, красавица, живо зови своего хозяина. Скажи ему, что с ним хочет выпить ветеран с Багровой эскадры.

По-видимому, это название что-то сказало служанке, потому что она тихо ойкнула и тут же исчезла, оставив витать над столом нежный запах лавандового масла. Как видно, она была изрядной чистюлей и тратила не такое уж и большое жалованье на благовония. Кремень хмыкнул. Да-а-а, за те пять лет, что он провел в рядах Корпуса, жизнь на гражданке изрядно переменилась. Если уже и простые служанки могут себе позволить покупать благовония, то сколько добра можно снять с тех, кто побогаче... Но эта мысль прошла как-то краем, просто по инерции, не вызвав ни малейшего желания действовать. Если народец так оброс жирком, значит, популяцию шакалов, каким и он сам был раньше, изрядно проредили. По правде говоря, пять лет назад он запродался (как он тогда считал) корпусному вербовщику именно из-за того, что «волкодавы» стратигария уже дышали ему в спину. От некогда лихой банды, заставлявшей отстегивать дань даже самые большие караваны, следовавшие по Пензалийской дороге, остались лишь жалкие ошметки — все ближайшие соратники либо были в колодках, либо украшали собою придорожные дубы, а он метался между Пензалой и Роллом, мучительно ища щель, в которую можно было бы забиться...

— Значит, это ты с Багровой эскадры, сынок?

Кремень отряхнул воспоминания и повернул голову на голос. К их столу неторопливо подошел мужик, одетый в поношенную, но чисто выстиранную и выглаженную деревянным катком тунуку, на которой, к их удивлению, красовался почти новый сержантский шеврон. Кремень удивленно присвистнул:

— Тебя наградили правом носить шеврон?

Мужик усмехнулся:

— Нас всех наградили таким правом... всех, кто выжил тогда...

Кремень замер. Он слышал только об одном случае, когда всех выживших... и мертвых занесли в списки Корпуса «навечно», что автоматически давало право носить знаки различия Корпуса и после увольнения из его рядов. Впрочем, на тех, кто был занесен в списки Корпуса навечно, понятие «увольнение из рядов» не распространялось. Они считались «в бессрочном отпу-

ске», причем все — и живые, и мертвые. Поэтому им продолжали платить денежное содержание (за мертвых его получали вдовы или, если таковых не было в наличии, сиротские приюты), а живых приглашали на присягу и церемонии вручения сержантских шевронов. Кремень окинул взглядом таверну. Да-а, теперь понятно, как этому ветерану удалось прикупить таверну на таком бойком местечке и так прилично ее обустроить. В Корпусе платили не то чтобы очень щедро, но неплохо, так что и он, Кремень, мог при желании купить себе таверну, но где-нибудь подальше, в мелком порту, куда заходят в основном только рыбацкие посудины, или в не слишком крупном селении на каком-нибудь торговом маршруте. Вот только на большинстве торговых маршрутов ему делать нечего. Его там уже успели запомнить. Накрепко. И если для «волкодавов» стратигария он теперь уважаемый ветеран Корпуса, то для большинства тех, с кем он встречался в прежние времена и кто знает его под старым именем, он по-прежнему грязный бандит и убийца...

— Значит, ты один из Сорока бойцов?

Голос Булыжника отвлек Кремня от размышлений. Хозяин таверны опустил на стол три кружки с солодовым хмелем, которые принес, пододвинул две из них гостям, а третью поднес ко рту и сделал звучный глоток.

— Слушай, а мне всегда было интересно, как там у вас было на самом деле? Похоже на то, как рассказывают?

Хозяин шумно вздохнул и сделал еще один глоток.

— И да, и нет. Я, честно говоря, и не помню. Когда нас подняли по тревоге, нам никто ничего не объяснил. Ни сколько там будет этих тварей, ни как далеко нам идти. Впрочем, если честно, никто из нас об этом и не спрашивал. Лейтенант сказал, что вансаны захватили шестерых наших и собираются посадить их на кол. А то, что этих вансанов было больше шести сотен, мы узнали только после боя. А тогда... мы просто торопились. Очень торопились. И все-таки опоздали... Так что когда мы вышибли ворота и увидели наших ребят, корчащихся на кольях, и измазанные их кровью рожи тех тварей... мне уже было некогда считать, сколько их там.— Он хмыкнул.— Когда мы наконец добрались до ворот, я думал, что сейчас упаду и больше не смогу пошевелить даже пальцем...

Булыжник понимающе кивнул:

— Ну еще бы, вы прошли за сутки почти пять десятков миль...

— Так вот, когда я увидел ребят... откуда только силы взялись. Говорят, лейтенант погиб одним из первых. Поймал арбалетный болт еще в воротах. Может быть. Стреляли они густо. Когда я

очухался, во мне самом торчало три штуки, вот здесь, здесь и здесь.— Хозяин задрал рукав, оттянул ворот и задрал полу туники, показывая шрамы.— Но там уже не надо было никем командовать. Да и невозможно. Мы просто взбесились...

И он поднял кружку. Оба гостя стукнули о нее своими, и все трое молча выпили. Этот молчаливый тост имел свое название: «За тех, кого с нами больше нет». По традиции он был третьим по счету. А четвертый звучал так: «За то, чтобы за нас не пили третий». Хозяин крякнул и, чуть повернув голову, крикнул:

— Лаиса! Неси еще солодового... и свинину с овощами тоже.

Когда на столе перед ними появилось большое блюдо с кусками тушеной свинины и овощами, а их кружки вновь наполнились хмельным напитком, старый сержант повернулся к Бульжнику:

— Так ты, сынок, с Багровой эскадры?

Тот кивнул:

— Да.

— Меня зовут Пагрим. Я когда-то ходил на самой «Росомахе».

— Меня зовут... Бульжник, а это Кремень. Мы с ним вместе проходили «давильный чан» в Западном бастионе.

Хозяин таверны понимающе кивнул и, прищурившись, заметил:

— Судя по именам, вы в свое время изрядно погуляли на караванных путях. Ну да ладно. Не мне вас судить. Я и сам когда-то...— Он хмыкнул и, подняв кружку, провозгласил: — За Корпус, ребята! За то, что он дает шанс любому. И да будут прокляты те, кто не сумеет им воспользоваться.

Бульжник и Кремень незаметно переглянулись. Они слышали, что нет более страстных ревнителей славы Корпуса, чем старые сержанты-ветераны. Сказать по правде, Кремень и сам чувствовал в себе что-то такое. Недаром его охватило омерзение, когда в одном из поселений вольных бондов, в котором они остановились на ночлег во время дальнего рейда, он стал свидетелем публичной порки. Многие ветераны, после увольнения сбившись в команды, уходили дальше в степь и основывали там новые поселения. Корпус поощрял подобную практику, бесплатно снабжая их так называемым набором поселенца со всяким необходимым добром, начиная от плотницкого и земледельческого инструмента, отрезков материи и одежды и кончая семенами, а также покупая на венецких и хемтских рынках рабынь и поставляя их в подобные поселения в качестве домохозяек. Кроме того, Корпус охотно выделял людей для конвоирования караванов, перевозивших товары, заказанные поселенцами и закуп-

ленные для них купцами. Рабыни чаще всего не особо долго носили ошейники, через какие-то полгода становясь полноправными хозяйками свежестроенных домов, а потом и матерями многочисленных семейств. Весь быт таких поселений очень сильно напоминал распорядок дня приграничных фортов. Впрочем, это было объяснимо. Эти поселения частенько становились объектом налетов незамиранных кочевников. Да и сами поселенцы не оставались в долгу, частенько сбиваясь в ватаги и пощипывая незамиранных. Как правило, основным объектом охоты во время подобных рейдов становились скот и женщины... Привезенных рабынь на всех не хватало, и недостаток жен восполнялся таким вот образом. Жены из пленниц получались ничуть не хуже, чем из рабынь. Так вот, один из поселенцев из только что прибывшей партии, выполняя обязанности пастуха, умудрился продать часть скота какому-то кочевью. Когда его проступок стал известен, Совет командиров приговорил виновного к полусотне плетей, лишению имени и... запрету взять женщину в дом в течение года. «Пока,— как гласил приговор,— Совет не убедится, что преступник сможет воспитать своих будущих детей как сыновей и дочерей ветерана Корпуса, а не как ублюдков безымянного преступника». Но больше всего его поразила формулировка преступления. Преступник был наказан не за обман, не за мошенничество, не за нанесение ущерба имуществу других, а за... «небрежение честью Корпуса». Эти люди готовы были простить многое, но Корпус, по их твердому мнению, должен был остаться незапятнанным. Хотя, так же как и Корпус, они оказались способны дать человеку второй шанс. И сейчас хозяин таверны намекнул им об этом же...

— А ты на каком корабле ходил?

Бульжник пожал плечами:

— Да так, на разных. Я вообще-то из «мокрой команды».

Пагрим удивленно вскинул брови:

— Так ведь вас же не... кха... — Он оборвал сам себя, покосился на Кремня и сменил тему: — Ну и как там теперь?

Кремень сделал вид, что не заметил едва не случившейся обмолвки, но решил держать ушки на макушке. То, что Бульжник не так прост, каким хочет казаться, он понял еще во время «давильного чана». Тот появился в их десятке через два дня после того, как сержанты учебки начали их дрессировку. И Кремню еще тогда показалось, что все то, чем они занимались, для Бульжника просто семечки. И право на имя он получил третьим в десятке только потому, что по каким-то своим, одному ему известным причинам не захотел сделать этого раньше. Его ин-

терес к своей персоне Кремень тоже почувствовал сразу и поначалу инстинктивно попытался не подпустить его к себе. Но тот оказался достаточно настойчивым и дружелюбным, чтобы преодолеть настороженность Кремня, и к концу «давилного чана» они сошлись довольно крепко. Кремень даже размышлял над тем, как бы им попасть в одно подразделение. Но судьба не дала им такого шанса. И, судя по всему, Бульжнику повезло оказаться в одной из тайных команд Корпуса, о которых в линейных частях ходили кое-какие слухи. Вот только, по слухам, на эти команды не распространялся пятилетний ценз службы, и что Бульжник делает в составе команды уволенных — не совсем понятно...

Спустя час, когда таверна начала заполняться народом и хозяин покинул гостей, Бульжник, только что смачно обсосавший мозговую косточку, повернулся к приятелю:

— Ну так что, какие у тебя планы?

Кремень оторвался от свиной лопатки, которую как раз тщательнее освобождал от мяса, усмехнулся и ответил:

— Ну, судя по тому, как тебе понравилось, что я по-прежнему с псом, наверное, мне стоит сначала выслушать твои предложения.

Бульжник рассмеялся:

— Ай да Кремень! Не зря, не зря я сразу подумал о тебе.

Кремень продолжал невозмутимо обгрызать лопатку. Что толку спрашивать, когда это Бульжник о нем подумал. Раз разговор начался — сам все расскажет. Бульжник отложил кость, вытер руки тряпкой, сделал еще один глоток из кружки, поставил ее на стол и задумчиво произнес:

— Хочешь остаться в Корпусе?

Зубы Кремня, только что сомкнувшиеся на хряще, замерли, не закончив движения. Кремень пару мгновений неподвижно сидел, переваривая сказанное. Корпус давал право любому вступить в свои ряды только на пять лет. На ПЯТЬ лет! Дольше в рядах Корпуса служили только офицеры. Но для того чтобы стать офицером Корпуса, нужно было не только стать достойным рубакой и доказать свою преданность. Требовалось иметь достаточно гибкие мозги, хорошую память и... темные боги, желание стать этим самым офицером. А Кремень, при всем своем уважении к тем, кто ими командовал (вот умора-то, скажи ему кто, что он начнет испытывать уважение к офицерам), не испытывал особого желания вешать себе на плечи офицерские шнуры. Впрочем, были еще люди, которые числились служащими Корпуса, но они не имели никакого отношения к военным. И о том,

чтобы занять место в их рядах, Кремню нечего было и думать. Это были обучители Корпусных школ.

— В каком качестве?

Бульжник довольно тряхнул головой, подцепил еще один кусок свинины, плавающий в уже застывающем жире между тушеных овощей, и, бросив на Кремня хитроватый взгляд, ответил:

— В том же самом. Сержантом боевого подразделения.— Он сделал короткую паузу и добавил почти тем же и все же несколько иным тоном: — Правда, об этом будем знать только ты, я и еще несколько человек. В том числе сам Командор. А для всех остальных ты будешь считаться уволенным, как и все остальные из нашего призыва.

Кремень отложил остатки лопатки, тщательно вытер пальцы, сгреб кружку, сделал глоток, чтобы освежить внезапно пересохшее горло, и, повернувшись к Бульнику, твердо произнес:

— Да.

3

Грон стоял у окна и смотрел вниз на двух юношей, азартно фехтующих на малой арене. Их тела блестели от пота, а глаза возбужденно сияли. Похоже, они были почти равны по мастерству, поэтому ни один из фехтовальщиков пока не выказывал явного преимущества. Мечи звенели, воздух шумно вырывался из разинутых ртов, но тонкая вязь колющих и рубящих ударов, блоков и хитрых захватов ткалась над ареной все с той же скоростью. Наконец один из фехтовальщиков сильным ударом заставил соперника попятиться и на мгновение потерять равновесие, отчего тот был вынужден отбросить руку с мечом далеко в сторону. Фехтовальщик радостно вскрикнул и, сделав выпад, попытался зафиксировать победный укол. Но его вроде бы уже выведенный из строя соперник внезапно вскинул другую руку, оканчивающуюся причудливым металлическим крюком-захватом, и, поймав лезвие меча атакующего, отклонил его в сторону, одновременно с этим молниеносно зафиксировав укол собственным мечом. Обманутый досадливо зарычал:

— Эй, Югор, так нечестно!

Победитель, уже выпустивший меч соперника, на мгновение замер, потом медленно вскинул собственный меч и, направив острие на соперника, негромко произнес:

— Не стоит сомневаться в моей чести, Бирак.

Что-то было в его тоне такое, что заставило проигравшего поспешно пояснить:

— Я не имел в виду ничего плохого, Югор, просто... у меня ведь нет такой руки.

— А у меня есть,— ответил победитель, легкой улыбкой давая понять, что извинения приняты,— но ты об этом забыл. И это означает, что твой проигрыш закономерен. Впрочем, если ты считаешь, что такая рука ВСЕГДА является преимуществом, сходи на конюшню и попроси, чтобы тебе тоже оттяпали кисть. А я договорюсь с кузнецом, чтобы тебе сделали такой же крюк. Клянусь, это не будет стоить тебе ни единого медяка.

Бирак рассмеялся:

— У тебя всегда была склонность к мрачноватому юмору, Югор. Но все-таки я не понимаю, почему ты никогда не участвуешь в первенстве Академии. Если уж ты выиграл у меня, то как минимум можешь рассчитывать на ленту одного из призеров.

Югор пожал плечами:

— Зачем?

— Ну... как? Разве ты не хочешь стать лучшим?

Югор растянул губы в легкой усмешке и, подхватив сумку с полотенцем и ножны с тяжелым фехтовальным мечом, двинулся в сторону душевой, на ходу бросив:

— А разве я уже не лучший? Я ведь выиграл у чемпиона.

— Да, но... это, по большому счету, ни о чем не говорит. Победить одного, даже если он чемпион, не так уж сложно. И Трай, и Кунар, да и большинство других фехтуют совсем не хуже меня. Чемпионат именно потому и нужен, чтобы научить концентрироваться в течение всего времени его проведения, преодолевать усталость, раздражение, возбуждение от только что выигранной схватки или злость от проигрыша. А один бой...

Югор остановился в дверях и снова усмехнулся:

— Интересно, а что бы ты сказал, если бы проиграл я? — И он нырнул в душевую. Бирак бросился следом за ним, и из душевой тут же донесся его возмущенный голос.

Грон покачал головой. Да, пожалуй, командиры и обучители в Академии знают свое дело очень неплохо. Он повернулся и пошел к лестнице, ведущей на верхнюю галерею, кольцом охватывающую купол Академии.

Галерея встретила его зябким ветерком, тут же взъерошившим отросшие волосы и разметавшим полы теплого шерстяного плаща. Грон поежился. «Старею»,— подумал он и, упершись взгля-

дом в отчетливо видимые в чистом горном воздухе горные пики, погрузился в воспоминания.

Он появился в этом мире около сорока лет назад. Казимир Янович Пушкевич, полковник НКВД в отставке, известный спецслужбам вероятного противника по агентурной кличке Клыки, после трагической гибели в схватке с бандитами попал в этот мир. Его сознание и память оказались в теле недоразвитого мальчугана, прибившегося к шайке портовых воров, промышлявших в порту острова Тамарис. Первое время он и не думал о том, чтобы стать кем-то большим, чем обеспеченный обыватель. Риска и борьбы он по горло нахлебался еще в своем мире. Однако, как оказалось, этот мир контролировала таинственная организация, название которой он перевел как Орден. Эта организация обладала такими технологиями, которые были необычны не только для этого мира, но и для намного более развитой цивилизации Земли.

Среди прочего она умела засекал факт переноса сознания. Поэтому за Измененным, так Орден называл тех, кто подвергся переносу разума, началась настоящая охота. Сначала его спасло то, что, умея засекал факт переноса, Орден не мог точно определять, какой конкретно человек подвергся переносу. Поэтому уничтожению подвергались все, кто находился в ареале действия Стража, оповещающего о переносе. Позже, убедившись в том, что многие из внезапно обрушившихся на него бед вызваны не просто жестокостью этого мира, а чьей-то злой волей (причем примирение невозможно), Грон (его новое тело лучше всего отзывалось на это имя, которое носил мальчик, с чьим сознанием слилось его собственное) вступил с Орденом в войну. Сначала казалось, что у него нет никаких шансов, что Орден, по чьему слову приходили в движение огромные армии и снимались с места народы, не только раздавит самого Грона, но и зальет кровью и выжжет самоё землю, по которой он ходил. Но Грон создал Корпус. И Корпус сокрушил Орден. Полтора десятка лет назад центральная резиденция Ордена — Остров — была уничтожена адским пламенем, а самое могучее государство этого мира Горгос, полностью находившееся под контролем Ордена, было стерто с лица земли. И все решили, что наконец-то наступил мир. Но, как оказалось, все не так просто, не так просто...

Гагригд ждал его в своем кабинете:

- Ну и как тебе?
- Семьдесят пять.

— Что семьдесят пять? — не понял Гагригд.

Грон усмехнулся. Ну откуда Гагригду знать анекдот о штурмане и связи?

— Да так, ерунда. Новое здание Академии, конечно, впечатляет. У тебя здесь в два раза больше площадей, чем было в старом.

Гагригд кивнул:

— Это верно. И наконец-то появился зимний манеж. Так что теперь твои идеи по поводу обучения в Академии сыновей правителей разных народов Ооконы вполне осуществимы.

Грон кивнул в ответ и, мгновение подумав, спросил:

— Как, ты говоришь, зовут архитектора?

— Старинкей, сын раба-венета из пленных, тех, что Сиборн взял еще во время Первой войны с Орденом.

— Раба?

— Ну, рабом он пробыл недолго, папаша оказался неплохим каменотесом, и Второй, Шестой и Двенадцатый пограничные форты как раз его работа. А сынок выдался в папу и попал в Университет. И уж там его заметил Улмир.

Грон кивнул:

— У Улмира нюх на таланты.— Он помолчал.— А как мой?

Гагригд задумчиво потер переносицу.

— Не знаю я, Грон,— честно признался он,— в общем-то хорошо, но... Югор частенько ставит меня в тупик. Как и ты в свое время. В нем как-то странно сочетаются жестокость и милосердие, открытость и недоверчивость, сострадание и равнодушие.

Грон вздохнул:

— Он и меня ставит в тупик. Черт возьми, я, который считал, что могу понять и оценить любого и приспособить к делу его достоинства, более-менее отодвинув на задний план его недостатки, не могу разобраться в собственном сыне.

Гагригд усмехнулся:

— Тут мы с тобой в равном положении. И знаешь, что я тебе скажу. Все дело в том, что остальных мы оцениваем достаточно спокойно и по возможности беспристрастно, а вот на собственных детей мы смотрим сквозь линзу любви и надежды. Ведь мы вкладываем в них все свои нереализованные надежды и мечты.

Грон вздохнул:

— Наверное, ты прав, но вот Толла общается с ним с какой-то спокойной уверенностью, а я иногда теряюсь, то рычу не по делу, то, наоборот, молчу, когда стоило бы рявкнуть.

Гагригд понимающе кивнул:

— Это понятно. Но, могу дать руку на отсечение, матери он может и не послушаться, а вот для того, чтобы заслужить твою одобрительную улыбку, парень готов лбом прошибить крепостную стену...

Они помолчали. Гагригд поднял взгляд на Грона и печально усмехнулся:

— Знаешь, что мне сказал мой?

Грон молча пожал плечами.

— Вы, старшие, уничтожили всех, кто мог бы бросить вызов Корпусу, и теперь нам никогда не завоевать СВОЕЙ славы. Мы навсегда обречены быть вашими бледными теньями.

Грон растянул губы в горькой усмешке:

— Пусть не боится. Он даже не представляет, сколько работы им еще предстоит.

Гагригд несколько мгновений молча обдумывал слова Грона.

— Так ты думаешь, что эти покушения...— нерешительно говорил он, запнулся, не осмеливаясь говорить дальше о том, о чем Грон, как он сам ясно дал понять, говорить не желает, и скомкал фразу: — ...и скоро все начнется по новой?

Грон кивнул:

— Да. Мы были очень наивными, когда посчитали, что полностью уничтожили Орден.

— То есть? Насколько мне известно, за покушениями на тебя стоят жрецы, недовольные деятельностью Корпусных школ. И потом Остров...

Грон криво усмехнулся:

— Да нет, с Островом покончено. Но подумай, разве мог бы Орден контролировать развитие цивилизации на целой планете на протяжении пятидесяти циклов протяженностью в тысячу с небольшим лет каждый, если бы все его силы располагались в регионе, занимающем от силы одну двенадцатую часть пригодной для проживания суши? Например, в моем мире известно два параллельно развивающихся центра цивилизации, расположенные на двух концах одного и того же материка. А кто знает, сколько их было всего? Так что я уверен, что существует как минимум еще один центр силы. А может, их гораздо больше. И разбираться с ними, скорее всего, придется именно нашим детям.— Он немного помолчал, улыбаясь своим мыслям, и заговорил снова: — Орден опять переиграл сам себя. Мне как-то не очень верится, что неодолимое желание покончить со мной руками наемных убийц, вдруг охватившее жрецов Венеции, Хем-

та, Тамариса и других, появилось в их головах без посторонней помощи. Как-то уж слишком одновременно это произошло. Так что вполне возможно, несмотря на все улики, жрецы имеют к этим покушениям не столь уж непосредственное отношение, как кажется большинству из нас.

Гагригд некоторое время сидел молча, потом встал с кресла и подошел к широкому окну высотой в рост человека. Появление окон таких размеров стало возможным лишь после того, как стекольные мануфактуры Корпуса освоили производство плоского стекла больших размеров. Но для массового использования оно было пока слишком дорого.

— Знаешь, я последнее время стал задумываться над тем, что с нами случилось. Мы вознеслись на самую вершину нашего мира, сокрушили могущественных врагов, но... я часто ловлю себя на том, что, наверное, был бы гораздо счастливее, если бы все это сделал кто-то другой, а все те бури, через которые я прошел, пронеслись бы мимо меня...

Грон задумчиво кивнул:

— Ты прав, мне тоже частенько так кажется, но, понимаешь, мы с тобой из той породы людей, которые на вопрос: «Если не я, то кто?» всегда дают абсолютно однозначный ответ.— Он тяжело вздохнул.— Ну да ладно, мне пора собираться.

Гагригд повернулся к Грону:

— А почему ты решил собирать Совет командиров в той долине?

Грон усмехнулся:

— Просто... это будет не совсем обычный Совет. И мне хочется заложить традицию.

— Какую?

Грон прошелся по кабинету, остановился у двери и, привалившись плечом к косяку, окинул Гагригда безмятежным взглядом:

— Я думаю, ты все узнаешь на Совете.

И начальник Академии понял, что продолжать расспросы бесполезно. Поэтому он лишь едва заметно пожал плечами и сменил тему.

— Уезжаешь завтра?

— Да, на рассвете.— Лицо Грона озарила мягкая улыбка.— Толла, наверное, ужасно соскучилась. Мы не виделись почти пять месяцев.

Гагригд усмехнулся:

— Вот-вот, и я о том же, а представь, как здорово было бы, если бы ты жил в небольшой усадьбе где-нибудь под Роулом, в домике, окруженном фруктовым садом, всего с парой слуг и гувернером?

Улыбка на лице Грона стала насмешливой.

— И самой большой моей заботой была бы заготовка ковлинского варенья по осени и подрезка претутковника...— И оба рассмеялись, представив эту нелепую картину...

Грон выехал из ворот, когда верхушки самых высоких пиков только-только окрасились розовым. На этот раз его эскорт был почти в два раза больше, чем обычно. Хмурая Бука шла плавной иноходью, похрустывая инеем, за ночь покрывшим землю тонким ажурным кружевом. Через два часа, когда уже совсем рассвело, они подъехали к первой башне гелиографа. Телеграфист в полной форме торчал навтыжку у двери, встречая своего Командора. Грон остановил лошадь:

— Как дела, сержант?

Седой как лунь телеграфист расплылся в счастливой улыбке. Ну как же, его помнит сам Командор. Хотя, если честно, это было не совсем так. Просто Грон знал, что большинство телеграфистов — ветераны Корпуса. Он сам поощрял такую практику.

— Все отлично, мой Командор! Техника в исправности, последнее сообщение передал час назад. Сменщик уехал в крепость за провиантом.

Грон кивнул:

— Спасибо за службу, старина.— Грон тронул лошадь.

Он знал, что вот такая короткая остановка, пара как бы случайно брошенных слов рождают и поддерживают легенду о Великом Гроне, знающем и помнящем всех и вся и никогда не делающем ошибок. И хотя лично ему это было не очень-то и нужно, армия, безгранично верящая в своего полководца, становится намного сильнее, часто превращая его ошибки в гениальные находки. Как, скажем, произошло в битве у Совиных Ворот, когда он счел, что им не прорваться через практически непреодолимый заслон горгосцев и их единственный шанс — это, оставив заградительный отряд и бросив лошадей, попытаться уйти через ледники. А Корпус, тогда еще называвшийся Дивизией, просто разметал заслон, порвав на холодец втрое превосходящие силы, которые к тому же занимали подготовленные для обороны укрепления...

К исходу луны они добрались до Роула. На ферме все было нормально. После смерти Врена всем здесь заправлял Сторм, сам уже совершенно седой и слегка сторбившийся. Впрочем, основные заботы лежали на его детях и внуках, каковых насчитывалось уже добрых два десятка. Но Сторм, которому принадлежала треть фермы, был достаточно обеспечен, чтобы дать каждому из них достойное образование, а троим, делавшим в гимназии большие успехи, оплатить учебу в Университете. Так что на самой ферме жило не более десятка потомков Сторма, притом некоторые из них уже имели и собственные семьи.

Вечером Грон со Стормом сидели на лавочке и смотрели на звездное небо.

— ...жизнь стала другой,— тяжело вздыхая, говорил Сторм.— Люди мотаются по свету, как перья. Я помню, когда отец после смерти матери ушел с нами из деревни на плато, все считали его не совсем в себе. А теперь двое моих сыновей живут в Эллоре, дочь замужем за торговцем из Саора, а трое внуков обучились в Роуле и теперь служат учителями в Корпусных школах в Хемте, Атланторе и на Тамарисе. И никто не считает это чем-то необычным.

Грон кивнул:

— Ты прав, Сторм, сегодня все меняется намного быстрее, чем раньше. И я сам не знаю, хорошо это или плохо. Люди стали жить богаче, многие беды ушли, но им на смену пришли другие. И так будет всегда, даже когда человек научится летать как птица или плавать как рыба.

Сторм немного помолчал, потом повернулся к Грону:

— А тогда зачем все это?

Грон несколько мгновений молча смотрел перед собой невидящим взглядом, вздохнул так же тяжело, как и Сторм, и ответил:

— У нас не было другого выхода.

— Но почему все это продолжается? Творец мертв, Орден уничтожен, Горгос повержен, а ты снова мучаешь наш мир новым знанием. Зачем? Неужели нельзя остановиться?

Грон усмехнулся:

— Даже если бы все это было правдой, мы все равно не смогли бы остановиться. Человек живет ради будущего, своего, детей, внуков. И он всегда будет стараться обезопасить это будущее. Но каждый раз, когда ему будет казаться, что еще чуть-чуть, еще один рывок, и можно успокоиться, отныне он самый сильный и самый умный, и больше можно не напрягаться, тут же откуда

ни возьмись вылезает новая угроза. Если не Творец с его Катаклизмом, значит, неведомый народ со страшным оружием, пришедший из-за океана, или несколько уродов с праведным гневом в глазах, готовые разнести на куски и себя, и еще кучу народу вокруг, а то и огромная гора, рухнувшая с неба. Так что мы обречены всегда быть наготове и платить своими жизнями и жизнями наших детей за то, чтобы оно всегда существовало, это будущее. А знания как-никак дают возможность платить... несколько меньше. Разменивать не один на одного, а, скажем, одного к трем или к десяти. Так что я просто даю своим... нашим потомкам шанс немного вырваться вперед, обогнать ту, неведомую угрозу.— Грон горько усмехнулся.— Причем еще не факт, что они сумеют им воспользоваться, успеют научиться тому, как отвратить угрозу. Но тут уж от меня ничего не зависит.

Сторм несколько минут размышлял над тем, что услышал, затем осторожно поинтересовался:

— А почему ты сказал — ЕСЛИ БЫ это было правдой? Разве это не правда?

Грон вздохнул:

— И да, и нет. Остров действительно уничтожен, и Горгос тоже повержен, но... Орден жив. И как обстоит дело с Творцом, я тоже не знаю. Вполне возможно, что остатки Ордена сумеют как-то помочь ему возродиться. Патрульные униремы, которые Гамгор регулярно отсылает к остаткам Острова, уже несколько раз встречали там следы пребывания людей. Причем это явно не какие-нибудь глупые паломники. Эти люди из всех сил стараются скрыть следы своего пребывания на Острове. И если бы в составе команд были следопыты похуже, то, вполне возможно, им это и удалось бы.— Грон замолчал и, прищурившись, посмотрел на Сторма.— А ты и сам изменился, Сторм. Раньше тебя не очень-то волновали такие вопросы.

Старик вздохнул:

— Понимаешь, тут многие знают, что когда ты возвращаешься с севера, то всегда заглядываешь на свою старую ферму. И этой зимой ко мне кое-кто приходил, просили дать знать, когда ты объявишься. Вели разные разговоры... Я, конечно, сразу же послал своего младшенького в Роул, к одному из твоих лейтенантов, но он что-то долгонько собирался. Они приходили ко мне трижды, прежде чем он взял их в оборот. Причем приходило ко мне двое, а лейтенант нагреб аж дюжину. Говорят, у них были арбалеты с отравленными стрелами. И зачем? Всем же известно, что яды на тебя не действуют.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ	7
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР	365
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА	709
<i>Владимир Дмитриев. Сверхгерой</i>	984